

ШЕНДРИКОВ АНАТОЛИЙ

ТРОПАМИ
— КЭРИЭЛИСА —

В подворотнях
темной ночи

Книга I

18+

Анатолий Шендриков

**Тропами Кориолиса. В
подворотнях темной ночи**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шендриков А. Ю.

Тропами Кориолиса. В подворотнях темной ночи /
А. Ю. Шендриков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Однажды вместо падающей звезды в небе мы увидим огненного "змея" - огромный пылающий астероид Апофис, несущийся прямо на нас. И вместо того, чтобы загадывать желание, мы взмолимся о пощаде. Но будет уже поздно. Ведь гость, что явился из глубокого космоса, не намерен исполнять наши желания: он сделает бесконечным день, превратит в вечность ночь, остановит вращение самой Земли. И лишь тот, кто никогда не останавливается, сможет бросить вызов монстрам, затаившимся во тьме безмолвных пустошей, и противостоять разрушительному равнодушию стихии.

© Шендриков А. Ю., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. УСНУВШИЕ ПОД СОЛНЦЕМ	14
Глава 1	15
1	15
2	16
3	18
Глава 2	25
1	25
2	28
3	32
Глава 3	35
1	35
2	37
3	39
4	41
Глава 1	44
1	44
2	47
3	49
Глава 2	52
1	52
2	54
3	55
Глава 3	60
1	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

ПРОЛОГ

*И тогда я почувствую страх,
Когда задрожит рука моей девушки,
Бешено заколотится сердце ребенка,
И увижу я слезы на лице своей матери*

«Это был холодный декабрьский день двадцать восьмого года. Вьюга тогда затеялась не на шутку, заставив пол-Нью-Йорка засесть мирно в своих уютных берлогах. Близилось Рождество, и вместо того, чтобы всей семьей гирляндами украшать дворы и балконы под праздничную музыкальную программу на радио, народу пришлось смиренно сидеть дома, терпеливо любясь видом из окна, вооружившись горячей чашкой кофе, шерстяными носками и

клетчатый пледом под бесконечные заботливые напоминания о штормовом предупреждении от радиоведущего.

Тем временем на Тертл Бей творился настоящий ажиотаж. К величественному монолиту штаб-квартиры Организации Объединенных Наций один за другим подходили черные лимузины с оптолированными красными номерами, из которых неспешно выползали фигуры влиятельных господ – членов Ассамблеи ООН. Все, как один, в длинных пальто, они то и дело щурились от бесконечных вспышек, сделанных продрогшими до мозга костей бедолагами папарацци. Представители разных стран останавливались, давали интервью репортерам, приветливо обменивались рукопожатиями с коллегами, и лишь затем проваливались в парадную дверь штаб-квартиры.

В этом году восемьдесят вторая ежегодная сессия заседания Генеральной Ассамблеи ООН по причине госпитализации генсека была перенесена с середины ноября на середину декабря. Тем не менее, ни один из участников заседания не посмел пропустить это знаменательное событие, отложив на второй план свои дела как из уважения к генсеку, так и ради того, чтобы заявить в очередной раз о себе. Ведь с каждым днем тому становилось все хуже, он чах на глазах, и уже не за горами был момент назначения нового главного административного должностного лица. И каждый из присутствующих господ чувствовал себя достойнее остальных коллег.

Постепенно площадка у парадного входа в здание опустела, а суетливая публика перенеслась в Зал Генеральной Ассамблеи. Наконец гости и участники ежегодного съезда заняли свои места, и басистое жужжание в рядах прекратилось.

Пресс-секретарь объявила о начале заседания, после чего зал заполнился минорными овациями. Шелест пронесся по помещению, взобрался по древесным стенам до потолка, резонировал, и гулким эхом рухнул на пол, закопавшись в плотном плетении элитного красного бархата.

Процесс пошел.

Участники собрания поочередно вставали с кресел, подходили к трибуне и, один громче другого, освещали беспокоящие их темы. Но это были лишь прелюдии, так как на самом деле все ждали выступления генерального секретаря. И, спустя несколько часов выслушивания череды претензий, предложений и пустословия от коллег, на трибуне все-таки появилась фигура самого генсека. Его выступление проходило в довольно привычном, заурядном формате, и по завершении традиционно наступил момент «Вопроса-Ответа» с представителями СМИ. Журналисты и репортеры задавали предсказуемые вопросы, дабы заявить о своем присутствии, не нарушая дипломатического спокойствия излишней суетой. Провоцировать скандал никто не планировал. Но все пошло наперекосяк, когда под самое завершение конференции с места поднялся журналист одного не самого уважаемого и весьма противоречивого издания и задал вопрос, отмеченный «Non Grata» в списке возможных тем обсуждения на конференции. Молодой человек, который, похоже, впервые в жизни напялил на себя строгий костюм с предательски небрежно завязанным галстуком, весь взъерошенный и, вероятно, с бодуна, поинтересовался, на какой стадии сейчас находятся исследования, проводящиеся над нарастающей угрозой приближающегося астероида Апофис. Над величественным залом Ассамблеи с великолепным золотистым панно со знаком ООН, висевшим на фоне стены из благородной светлой древесины с синими характерными вставками, уходящими высоко под потолок, пронесся официальный смехок. Вопрос казался нелепым и весьма неприличным для столь достопочтенной публики. Но спустя каких-то пару мгновений в зале снова воцарилась гробовая тишина, когда уставшее, морицинистое и совершенно беспристрастное лицо старика приобрело мертвенно-бледный оттенок, а взгляд виновато рухнул на стол с бумагами. Старик трясущимися руками потянулся к стакану с водой и, осушив его, наконец соизволил

прокомментировать вопрос, так и не прошедший цензуры, чтоб попасть в архив восемьдесят второй ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

– Есть высокая вероятность, что в скором времени на нашу планету... – пробормотал он.

Сидевшая позади пресс-секретарь резко вскочила с места и отвернула микрофон от лица генсека, прошептав ему что-то на ухо. Мужчина еле заметно согласно кивнул, откашлялся, пригладил волосы свободной рукой, и, пробурчав извинения в адрес собравшейся прессы, покинул трибуну. В зале послышалось активное движение. Затем журналисты начали вскакивать с мест и выкрикивать в адрес генсека беспорядочное количество вопросов, но охрана лишь молча сомкнула ряды, дабы не случилось беды.

Пресс-секретарь объявила, что конференция окончена, и попросила возбужденную публику покинуть помещение».

Вьюга на Тертл Бэй

От 17 декабря 2028 года

То собрание подняло бум вопросов, которые раньше считались фантастикой, недостойной глобального оглашения.

"Бирюзовые небеса озарились ярким светом. Сильный хлопок и волна губительно громкого звука настигла городской линии сверху. Звук стремительно падал вниз, разрушая все, что прозрачно: стекло, мысль, надежду на спасение. Для нас это ново, для нас это непонятно. Война? Вторжение? Апокалипсис?.. Нет. Нечто иное. То, что не достигло пределов нашего любопытства. Мы успели лишь испугаться и закричать от ужаса. Плачущие дети, напуганные недоумевающие родители, несчастные старики, и... много-много вопросов, ответов на которые не найти. Нам говорят: "Привет из космоса!"

Падение Челябинского метеорита

от 15 февраля 2013 года

Большинство считает точкой отсчета 2004 год, когда аризонские ученые из обсерватории Китт-Пик обнаружили небесное тело. Это был астероид. Его тут же обозвали именем древнеегипетского божества (как это принято делать) мрака и разрушения Апофиса – огромного змея, живущего во мраке подземного мира и пытающегося уничтожить Ра в течение его ночного перехода. На самом деле точкой отсчета стоит считать момент, когда человек стал способен мыслить и выражать свои мысли и страхи с помощью слов. Как только человек заговорил, он заговорил о конце.

Пропаганда апокалипсиса была актуальна во все времена, но поистине пик сосредоточения на данной тематике случился в конце 2012 года, когда буквально каждый ждал, и, наверное, даже жаждал неминуемой кончины всего сущего и настоящего. Для каждого это представлялось в совершенно разных формах. У кого насколько хватало фантазии. Толпы религиозных фанатиков твердили о переходе на новый уровень духовного развития человечества, а политики тем временем категорично пресекали любую идею, способную привести к общественным беспорядкам. Беспорядки – это единственное, что их беспокоило. И бедный запуганный народ уже смирился с тем, что на этом витиеватом апокалипсисе от 21.12.2012, предсказанным некогда вундеркиндами Майя, мучения и закончатся. Конечно, не все, далеко не все планировали вот так вот просто поддаться давлению происходящего и попытались противостоять этому безумию, спрятавшись в скалах или под землей. А самые изобретательные выстроили себе бункеры, потратив на их создание ни много ни мало чуть более всей жизни. Но среди обычных доверчивых людей время от времени также появляются довольно предприимчивые, которые не упустят возможности нажать и на чужом страхе. Они самые страшные. Они и

есть апокалипсис. Потому что заставляют верить в весь этот бред и кошмар, снимая фильмы, печатая статьи и продавая спасательные наборы на случай конца света, вытворяя тем самым удивительные манипуляции с сознанием обычных смертных. И что в итоге?.. Все осталось на прежних местах. Кроме одного. Человек понял, что готов к изменениям. Он чувствовал это всем своим нутром. И целое поколение буквально трепетало в ожидании 2012 года, который стал проверкой перед реальными изменениями не только понимания окружающего мира, но и самого окружающего мира, своего дома, своей планеты.

"Пятница. 4:30 по Гринвичу. Астероид Апофис должен приблизиться к Земле на максимально близкое расстояние – чуть менее сорока тысяч километров. Никто не спит. Все ждут. Все снова ждут... Как и в 2012-м. Пока все тихо"

Сближение с астероидом Апофис
от 13 апреля 2029 года

Ночь с 12 на 13 апреля обещала быть долгой. Вся планета мечтала запечатлеть в своей памяти момент максимального сближения с небесным телом. Не так часто астероиды пролетают на таком малом расстоянии от нашей планеты, а особенно глыбы таких невероятных размеров, как Апофис. Но подобное тоже случается. И настал именно этот день.

Все ждали события фантастического, из ряда вон выходящего. И никто не спал даже в ночь после долгого рабочего дня.

Ученые утверждали, что опасаться нечего, максимум – головокружение от недосыпа. Все улыбались и охотно верили всему, что бы ни прозвучало по ящику. И, тем не менее, у людей было предчувствие, словно что-то не так, будто их обманывают и не хотят делиться правдой. И предчувствие не подвело.

Сложно понять, начало это или конец, когда все привычное постепенно превращается в историю, а будущее... эфемерность его границ оказывается съеденной событиями, предсказать которые невозможно. Той планеты, которую знало человечество, больше нет, теперь у нее совершенно иное лицо. Судьба цивилизации решилась одним великим просчетом – ошибкой, стоящей всего, что успели придумать, полюбить и использовать. В 2029 году облик Земли изменился навсегда. И тогда человек понял, что слаб. Он понял, что неспособен противостоять стихии, и ощутил всю ничтожность существования в безграничных просторах случайности, событий и обстоятельств. Горизонт знаний никогда не был так отчетливо виден, как в ситуации, когда предположения и гипотезы величайших умов оказались не в силах противостоять угрозе, нависшей над жизнью, реальной угрозе, воспламеняющей атмосферу Земли раскаленным дыханием беспощадности и калечащей ее нежное тело мегатоннами мощнейшего взрыва.

В 2029 году на Землю упал гигантский астероид Апофис.

Очень печально вспоминается та ночь, когда вместо обещанного двухчасового парения над планетой светящегося крохотного пятнышка все наблюдали настоящее «падение небес». Огромный пылающий шар вторгся в атмосферу планеты где-то над Россией и в считанные мгновения, преодолев расстояние в два с лишним десятка тысяч километров над США и Атлантическим океаном, миновал границы видимости и далеко за горизонтом все же коснулся поверхности... и тишина. В один миг большая часть Сенегала была стерта с лица Земли. В итоге вся территория страны (от границы с Мавританией до границ с Гамбией и Мали) оказалась в зоне поражения космическим телом. Соседние страны также постигла тяжелая участь. В последний раз такое горе человечество переживало, когда извержение вулкана поглотило Помпеи.

Для защиты от радиации и еще неведь от чего, прилетевшего вместе с астероидом из космоса, ООН приняла решение обезопасить районы, прилегающие к пораженной зоне. С целью ограничения контакта остального мира с беженцами, толпой хлынувшими прочь от этих мест,

вдоль границы с Мавританией, Гамбией и Мали был возведен десятиметровой высоты сейсмостойкий защитный барьер, охватывающий территорию, общей площадью превышающую 100 тысяч квадратных километров и состоящую из бетонных плит, обшитых металлической арматурой под смертельно высоким напряжением. А за периметром главных стен соорудили сеточное ограждение с множеством прикрепленных табличек с говорящей надписью: «Не пытайтесь проникнуть за ограждение! Опасно для жизни!». Эта мертвая зона находилась под охраной автоматических турелей, не разбирающихся в намерениях нарушителя границы.

Но однажды четверем молодым парням все-таки удалось пробраться внутрь и каким-то образом перехитрить совершеннейшую охранную систему века. По рассказам, мальчишки блокировали часть электробарьера и взобрались на самый верх. Но вместо того, чтобы продолжить свой путь, они бросились оттуда прочь со всех ног, не оглядываясь назад. Нечто, увиденное ребятами, напугало их настолько, что они совершенно позабыли об опасности хладнокровных недремлющих «охранников». И те действительно великолепно справились со своей основной задачей.

Особенно суеверные поговаривали о том, что кто-то видел на границе четырех изрешеченных пулями призраков молодых ребят, трясущих металлическую сетку и пытающихся вырваться наружу. После стали говорить, что даже призраки бегут прочь от этих земель. Место окрестили «Колыбелью Апофиса» или «Колыбелью Змея», кому как больше нравилось. Место, где таилась страшная истина. Истина эта имела слишком высокую цену, ведь каждый, кто узрел ее, уже давным-давно мертв.

Больше туда никто не совался. Многие считали историю о четырех молодых наивных глупцах байкой, придуманной властями, так как иные методы борьбы с любопытными искателями приключений и наживы оказывались бесполезными. Но больше никто не приближался к этим местам никогда.

С политиков все камни, протухшие яйца и помидоры полетели в сторону ученых. Кого еще было винить в том, что на планету упал Апофис?!

Но винить ученых в беспечности было глупо. Они вообще предполагали, что если астероид куда и упадет, то это будут воды Атлантики. Проблема в массе и в том, что угадать, из чего сделан «камушек», не представлялось возможным. А он оказался намного тяжелее, и тверже, и «швырнули» его гораздо сильнее, чем ожидалось. Вот он и нашел свободную площадку для посадки, оставив после себя кратер диаметром около десяти километров, выжженное дотла целое государство, окольцованное высоким непрозрачным забором и панику среди выживших.

«Как же так? Десять лет мы платили «Налог на спасение», и что в итоге? Скажите теперь жителям Сенегала, что эти деньги использовались по назначению. Ах, да! Сенегала-то теперь нет...»

Огненная волна Сенегала
от 13 апреля 2029 года

За десять лет до катастрофы, в 2019 году, был введен «Налог на спасение» от непредвиденных ситуаций: катаклизм, войн, террористических актов и так далее. Все с уверенностью платили процент от своей зарплаты ради того, чтобы их отчего-то там когда-нибудь спасли. Налог распространялся на все существующие государства. Данный процесс курировала ООН, и действовал он абсолютно для всех, даже для военных, инвалидов и детей. Любой доход облагался налогом, будь то детское пособие или пенсия. Кто будет интересоваться твоим финансовым положением, возрастом или рангом, если наступит ситуация, когда может понадобится помощь. Основателем идеи введения этого налога являлся Колинс Фишберн. С обаятельной улыбкой на лице он каждый раз вежливо напоминал о том, что «мы платим не только за безопасность, но и за равноправие». «Каждый достоин жизни, как и обязан своему спасителю»,

«Будь благодарным, и ты не останешься в беде», – подобные фразы постоянно сыпались сахаром со всех государственных СМИ, поэтому люди и платили. Каждому хотелось жить, а мизерный процент... это того стоило. Жизнь куда дороже любых денег. Только куда делись все эти «спасители», когда появилась реальная угроза? Все деньги ушли на убеждение народа в том, что все будет хорошо, и железно-никелевая «скала» полетит себе дальше?

Постепенно пламя возмущений угасло. Вроде бы все стало возвращаться на круги своя, если бы не постоянное чувство недосыпания. Эпидемия недосыпа облетела всю планету, и лишь через полгода человечество узнало очередную правду, которая уже ни в какие представления о природе вещей не складывалась. В народе ходил слухок, что вместе с астероидом на Землю попал неизвестный вирус, который поражает центральную нервную систему, натягивая ее словно струну, а симптомами является нервное напряжение и раздражительность, что, априори, может повлиять на сон. Все это была ерунда. Народ попал под серию «панических атак», и не более. Проблема заключалась в другом. Иногда бывает, что даже воистину значимые события меркнут на фоне тех, что из-за своей необычности, странности и непредсказуемости могут смело зваться «Эпичными». Антибиотиками, антидепрессантами и успокоительными «байками» здесь уже было не обойтись. Планета потихоньку останавливалась.

К 2035 году полностью остановилось вращение Земли вокруг своей оси.

«Это была долгая и холодная ночь. Мы ждали рассвета, кажется, целую вечность. И он наступил лишь в феврале 36-го. Первый рассвет, которому, судя по всему, уже не будет конца»

Рассвет над Испанией
от 8 февраля 2036 года

Время суток – день и ночь – теперь сменялось лишь благодаря вращению Земли вокруг Солнца. Поэтому рассвет стал неторопливо приползать с долин Запада, а закат, спустя долгие полгода, утопать где-то за горизонтом на Востоке. И если в той же Испании восход Солнца приходился на февраль, а закат лишь на август, то в Новой Зеландии, практически полностью ушедшей под воду, все было вплоть до наоборот.

Ученые никак не могли объяснить то, что происходило с планетой, поэтому вина пала на астероид, объяснив это критическим влиянием сильнейшего удара не только на магнитное и гравитационное поле Земли, но и на всю инерциальную систему. И теперь на первом месте стояла уже другая задача – нужно было спасать себя и других от неминуемой гибели. Ведь, кроме того, что сутки теперь будут длиться ровно год, при этом день будет невыносимо жарким, а ночь невероятно холодной, так еще и мировые океаны последуют к полюсам, затопив преимущественно всю Европу (кроме Испании), большую часть Северной Америки и значительную часть Азии. А вслед за морями последует и атмосфера, но на это уйдет намного больше времени, оставив возможность безмерно коварным условиям еще немного поиздеваться над выжившими.

В 2010-м году сотрудник компании-разработчика геодезического программного обеспечения ESRI, Витольд Фрачек, с помощью ArcGIS, флагманской программы студии, построил виртуальную модель Земли, где полностью отсутствует центробежная сила, опираясь на которую команда такого известного научно-популярного телеканала, как National Geographic даже сняла фильм. А еще, именно благодаря этому любопытному эксперименту ученого, у человечества появилась карта новой Земли с единым континентом, кольцом опоясывающим планету по экватору и двумя бескрайними океанами на полюсах. Очертания планеты лишь незначительно отличались от тех, что предложил ученый в своей теории, и это вовсе не помешало людям назвать новый континент именно в его честь – «Венец Фрачека».

Вооружившись нужными теориями и накопленными знаниями, человечество, наконец, приступило к их реализации на практике.

За достаточно короткий период времени под водами Карибского моря, не имевшего теперь прямого выхода в океан и ставшего, как следствие, внутренним морем, был возведен огромный спасательный комплекс – купол под названием «Сток», который мог вместить до полумиллиарда выживших. По данным статистики, за пять лет остановки вращения Земли большая часть населения планеты погибла по разным причинам. Первой, и самой очевидной причиной, считались землетрясения, возникающие в разных уголках планеты вне зависимости от сейсмоактивности зоны. И продолжались они вплоть до того момента, пока твердая земная кора, вязкая мантия и железное ядро полностью не прекратили вращения вокруг своей оси. И пришествие этих природных явлений связывалось с тем, что каждый слой останавливался со своей скоростью. Энергия от трения слоев высвобождалась на поверхность, уничтожая города, наземные коммуникации и жизнь на планете. По той же причине происхождения на пьедестал карателей, заняв почетное второе место, взошли вулканы с их разрушительной силой. Вкупе с землетрясениями они забрали жизни две трети населения планеты. А это около пяти миллиардов человек. Третьей причиной стала физическая и психологическая неспособность человека адаптироваться к новым условиям существования. Это как в дикой природе: слабые отсеялись сразу. Но оставалось еще около полутора миллиардов выживших. И билет под «волшебный» купол, конечно же, достался далеко не каждому смертному. Разумеется, вовсе не эпизодическую роль здесь сыграла и старая добрая коррупция.

«Сток» построили именно таким образом, потому как воды Карибского моря не замерзали в суровых условиях ночи. В последние годы, еще до апокалипсиса, словно один из предвестников, проснулся считавшийся потухшим много веков назад Эквадорский вулкан Чимборасо, талые воды которого теперь питали и поддерживали положительную температуру в Карибском море. Сначала кипящие воды стекали в естественный резервуар у подножия вулкана, а затем, уже по спроектированной инженерами-гидротехниками системе каналов, попадали в бассейн Карибского моря. Поэтому даже ночью, при стандартных минус 50-60-ти градусах по Цельсию, вода в море не замерзала. Помимо всего прочего, истощение вследствие отступления к полюсам атмосферы озонового слоя грозило увеличением радиационного фона, а вода, как правило, является хорошим гасителем повышенных излучений.

По всем экранам транслировалась запись интервью первых прибывших в «Сток» счастливых, затем шел рассказ об этом огромном стеклянном куполе, подпираемом мощными металлическими столбами, достигающими местами высоты пятисот метров. Под куполом расположился невиданного размера мегаполис. В самом центре мегаполиса были выстроены небоскребы, достающие своими макушками до искусственного небосвода с такими же искусственными облаками и даже искусственным Солнцем. Следом шел жилой район, а затем промзона небывалого масштаба. Сутки под куполом длились 24 часа. В течение искусственного дня взрослый человек должен был работать, а ребенок учиться. Ночью же отдыхать и спать. Под куполом было даже ненастоящее море с песчаным пляжем и рыболовецким промыслом. Эта синтетическая декорация ничем не должна была отличаться от настоящего мира. «Сток» должен был стать мечтой! Здесь человек планировал переждать бурю, затеянную коварной судьбой на поверхности. Здесь же был вполне комфортабельный Ковчег, расположившийся на дне Карибского моря. И если Ною необходимо было оставаться на плаву, то здесь, наоборот, выгоднее было держаться илистого дна.

...Но случилось несчастье. Произошла непредвиденная катастрофа, и «Сток» пал якобы после серии сильнейших землетрясений магнитудой в 10-12 баллов, постигших дно Карибского моря. По слухам, стены строения попросту не выдержали, и он в одночасье превратился в братскую могилу для всех, кто успел туда добраться. Исчезли трансляции из этого искусственного Рая, исчезли улыбки с лиц людей, жаждущих попасть туда, и, в конце концов, исчезли надежды.

Одна из отправных точек в «Сток» находилась в городе Ронда – в Испании, единственной уцелевшей частичке Европы, соединенной с Венцом Фрачека лишь пересохшим Гибралтаром. Воды Северного Полярного океана подошли прямо к порогу дивной Ронды – родины корриды и колыбели спелого граната, горного чуда, расположенного над ущельем Эль Тахо. Это был порт, вытесанный прямо в западном склоне скалы, на которой долгое время мирно существовал молодой район на севере города Меркадильо. К югу от него располагался отрезанный от Меркадильо мостом старейший район с многовековой историей под названием Сьюдад. А уже дальше, южнее, все было затоплено, в частности, и третий, самый низинный район Ронды, Сан-Франциско, со всеми прилегающими фермами, ранчо и садами. И именно в старичке Сьюдаде, отделенном от материковой части и защищенном глубоким ущельем районе города, на который можно было попасть лишь через мост, и поселились выжившие. Здесь были все условия для временного проживания, потому как большинству, прибывших в порт из разных уголков планеты людей было просто некуда податься. Здесь же осели и те, чей рейс в «Сток» так и не состоялся.

ЧАСТЬ 1. УСНУВШИЕ ПОД СОЛНЦЕМ

*И пока мне не явится шанс увидеть,
Я буду смиренно молчать*

Глава 1

1

Севиля уже давно перестала привлекать к себе внимание бродяг и мародеров. Крупные города Испании становились все меньше похожи на города, а океан изобилия андалусских лугов высох и обмелел до самого костистого дна, превратившись в навеки стихшую гавань – ту настоящую, истинную пустошь, где любому заблудившемуся страннику была уготована долгая и мучительная смерть от голода, жажды, жары или холода. Как и на всем Венце Фрачека, на этой обреченной земле жизнь покорила власть стихии и все той же удачи – поистине желанной спутницы во все времена.

Но удача не дает наводок и не рассказывает, где в разграбленной и заброшенной Севилье отыскать детали для микросхем или ткань для пошива спецовки. Зато разогретый брагой люмпен, гордо заявляющий о том, что он ни то сталкер, ни то сам археолог, запросто может подкинуть парочку идей.

Молодой изобретатель Ганс Ланге как раз искал такого человека. Переименованная в Западную Пальмиру старушка Ронда всегда полнилась болтунами и сказочниками, прибывающими в этот город-оазис ради выпивки, женщин и защиты от затаившихся в руинах погибающей цивилизации опасностей. Но в этот раз Гансу повезло, и среди череды красноречивых господ, месяцами не покидающих здешний трактир, он повстречал местного жителя всеми забытой Севильи. Тот и рассказал парню о своем покойном соседе – радиолюбителе, в подвале которого Ганс, возможно, сможет отыскать несколько полезных вещиц для своего проекта по созданию легендарного навигационного прибора, способного работать в условиях отсутствия магнитного поля Земли. По просьбе вождя Западной Пальмиры особенности проекта Ланге держал в тайне даже от близких друзей, поскольку они оба боялись, что идея не выгорит и им нечего будет сказать народу в свое оправдание. А в случае успеха они решили бы самую главную проблему пришедшей под руку со смертью новой эпохи, где компас превратился в бесполезный аксессуар, и единственной путеводной звездой странника оказались города и связывающие их магистрали с поваленными на лопатки дорожными знаками. Но и тем, по утверждению отпетых бродяг, внимательно следящих за гибелью построенного человеком мира, оставалось лишь несколько лет до полного исчезновения под гнетом беспощадной стихии. Городам чуть дольше, а дорогам... тем совсем ничего. И это всего спустя три года после полной остановки вращения Земли вокруг своей оси.

2039 год. Середина января. Заполучив, наконец, от захмелевшего разговорившегося севильяноса карту, начерченную карандашом на обычном блокнотном листке в клеточку, Ганс Ланге отправился в путь. Двадцатитрехлетний немец еще никогда не покидал Западную Пальмиру в ночь. Это было не только запрещено местным законом, но и считалось также глупостью и безрассудством, поскольку ночью отметка на термометре редко превышала -50°C . Лишь в редких, исключительных случаях ворота Пальмиры открывались под покровом полугодовой морозной ночи. Когда нужно было отправить врача или, в большинстве случаев, другого незаменимого специалиста в соседнее поселение. Зная это, Ганс решил воспользоваться доверием вождя, считающего Ланге разумным юношей, и хитростью покинуть Западную Пальмиру накануне сильнейшей бури, которая начиналась за неделю до восхода Солнца и успокаивалась лишь за 48 часов до первых лучей. Жители города заколачивали окна и двери своих домов досками и спускались в укрепленные подземные убежища на все пять дней «Сумеречной Ярости» – именно так народ прозвал эту суровую предрассветную бурю.

Но Ганса и это не остановило. Он подделал подпись вождя и вместе со своим другом Портным покинул город под предлогом «командировки» в Вильямартин с целью ремонта серьезной неисправности на радиоузле. А ведь до «Сумеречной Ярости» оставалось всего каких-то там пару недель. Так случилось, что Вильямартин оказалась самой северной заселенной провинцией, входящей в состав поселений, с которыми легендарной ежегодной экспедиции «Искатели Света Пальмиры» удалось наладить радиокommunikации. Все, что расположилось севернее от нее, считалось мертвым: Мадрид, Валенсия, Барселона и другие густонаселенные города были покинуты местными жителями, отправившимися на поиски нового дома, практически сразу же после падения «Стока». А таким небольшим поселениям, как Вильямартин, Арриате, и той же переименованной Ронде, удалось сохранить искорку надежды и приспособиться к жизни под палящим дневным Солнцем, сменяющимся рвущей на части стужей полугодовой ночи. И лишь благодаря таким романтикам и мечтателям, как Ганс Ланге, неравнодушному вождю Западной Пальмиры Раулю Манолу Видэлу и другим неумным жителям города, искренне верящим в добрый исход, благоволила судьба и удача.

Но кто знал, что в этот час к испанскими землями приближается темная туча скверны. И с какой целью она явилась в эти края, им только предстояло разобраться.

2

Путь из Западной Пальмиры до Вильямартина Ганс и Портной со своим псом древней породы боснийских гончих – умное и верное животное, которому было уже более десяти лет отроду – преодолели пешком за несколько дней. Добравшись, наконец, до провинции, Ланге взял в аренду у здешнего механика Диего снегоход, расплатившись с упрямым бородатым молчуном отремонтированным портативным игровым устройством «Game Boy» с установленным на него тетрисом, от которого тот был без ума. Прицепив сзади сани, друзья отправились в пустующую Севилью. Ланге и его лучший друг Портной поочередно менялись в управлении снегоходом. Пока один вел транспортное средство, второй управлял санями, плотая вылетающий из-под гусениц сухой пушистый снег. Но особого выбора не было, кому-то приходилось терпеть, пока кто-то наслаждался пилотированием скользящего по обледенелым трассам снегохода. Чтобы добраться от Вильямартина до Севильи, парням нужно было преодолеть около ста километров. Этот путь не занял бы много времени, если бы не высокие снежные перемыты, протяженностью с Великую Китайскую Стену.

Время шло, до «Сумеречной Ярости» оставались считанные дни, а друзьям еще нужно было успеть вернуть хозяину снегоход и пешком добраться до Западной Пальмиры с груженными санями.

На улице было по-утреннему светло и тихо. Хоть и не без проблем, но парням удалось отыскать адрес дома местного радиолюбителя, о котором рассказывал люмпен.

–Затишье перед бурей, да, Рыжий? – погладил по загривку своего пса Портной. Затем, сняв с лица повязку, он двумя тонкими палочками аккуратно вытащил из разведенного во дворе костра раскаленный уголек, поднес его к лицу и прикурил самокрутку из табака и Корри – нового вида – помеси растения и гриба, появившегося после падения астероида. Ученые долго не могли определиться, к какому царству живых организмов относится это нечто. Но, проведя некоторые исследования, выяснилось, что корри – это феномен, образовавшийся вследствие влияния радиационного фона упавшего астероида, удивительный симбиоз, которого раньше не случалось между обычной коноплей и состоящего с ней в микоризе некоего гриба. Родиной корри, соответственно, стал считаться Сенегал. Самое удивительное в этом виде было то, что растет оно только в местах бывшего обитания человека. Дело в том, что жизненно важной составляющей для корри является наличие канцерогенов в почве, которые попали туда искусственным путем через выхлопы автомобилей, выбрасывание вторичных про-

дуктов после приготовления пищи и в виде отходов, оставшихся как следствие производства некоторого сырья. С виду корри было похоже на круглый гладкий гриб, достигающий размера теннисного мячика и чуть меньшего размера волосатого корня. Росло корри только в диких условиях. Провести доместикацию пока еще никому не удалось. Это растение вмиг приобрело популярность, особенно на фоне апокалиптической реальности. Каждый свободный угол, где есть хоть немного влаги и почвы, заполнили эти салатного цвета растения с горизонтальной серой полоской, опоясывающей плод, точно Венец Фрачека, окольцевавший по экватору планеты. Корри можно было употреблять в пищу, очистив от волокнистой мягкой кожуры, которую просто забивали с табаком в папиросы, перед тем хорошенько просушив. Папироса, заправленная шелухой корри, давала легкий расслабляющий эффект – это ей досталось от знаменитого предка-растения. Из-за этого со временем термин «Корри» стал ассоциироваться со словами «удовольствие», «блаженство», «наслаждение». А еще из корня корри готовили лекарства и использовали вместо хмеля для приготовления некоторых алкогольных напитков.

Пока Портной грелся у костра с самокруткой в зубах, Ганс успел насобирать целый мешок деталей и, едва волоча его по ступенькам темного подвала, кряхтя от напряжения, недовольно пробурчал:

–Какой наблюдательный... Лучше бы с вещами помог!

–И ведь не соврал твой севильянос про соседа, – проигнорировал просьбу друга Портной, выпуская ароматный дым табака с корри.

–Фух! – выдохнул, наконец, Ганс, опершись руками о колени. – Дай затынуться.

Портной ехидно улыбнулся и молча протянул товарищу папиросу. Он знал, что будет в следующий миг.

Стянув с кучерявой светлой головы шапку, Ганс прищурился и сделал затяжку. Лишь секунду его лицо изображало блаженство, но затем дым с жутким кашлем вырвался наружу.

–Шапку надень, балбес, заболеешь же! – по-дружески прокомментировал Портной. Он был старше Ланге. К 29 годам Портной многое повидал в своей жизни. Причем еще до падения астероида. Сирота, выросший без родителей, прекрасно знал, что значит быть одному в пустом обреченном мире, наполненном чужими и равнодушными людьми. Он ценил друга, и в меру своих возможностей заботился о наивном пареньке, как о младшем брате.

Ганс не стал спорить, понимая, что даже при температуре в -30°C (перед бурей вместе с затишьем приходило резкое потепление) можно запросто схватить простуду или чего похлеще.

–Наверное, ты прав, не стоит делать привал перед возвращением. Вождь, если узнает о моем исчезновении, голову обоим открутит, – согласился он с другом.

Чуть ранее возник спор о том, стоит ли сделать передышку перед возвращением домой. Ланге любил пустошь за ее будоражащий романтизм и свободу, за богатые тайники, сокрытые в подвалах навсегда умолкших городов, и за вызов, который она бросала каждому, кто ступит на ее территорию. Этот вызов дарил Гансу свежую порцию адреналина и вдохновения. Именно находясь в вылазке, ему однажды и пришла идея создания навигационного прибора. Но Портной был другим. В отличие от Ганса, он старался не делать лишних шагов и не рисковать попусту. Он был реалистом. Жизнь заставила его таким стать.

Перекусив вареного риса, вылазчики загрузили связки с найденными вещами в сани, накрыли их плотной тентовой тканью и крепко стянули веревкой. Рыжий всегда взбирался на самую верхушку поклажи, словно кучер, и с несвойственной животному глубокой грустью в глазах наблюдал за мерцающими по сторонам пустотами оставленных городов. Портному казалось, что Рыжий все понимает. «Но собака – не человек! – каждый раз возмущался Ланге. – Пусть хоть весь мир перевернется. Для пса самое главное – чтобы хозяин был рядом. В этом его счастье и слабость». На что Портной отвечал: «Его счастье в том, что он не знает человека так, как знаю его я. И в том, что я знаю человека так, как не знает никто другой. Я никогда не дам его в обиду. И он это знает. Для него этого достаточно».

Вылазка оказалась хоть и рискованной, но весьма продуктивной. Ланге нашел целую кучу полезного электронного хлама, а Портной, в чьи обязанности в Западной Пальмире входили пошив и ремонт спецовки, одежды, тентов и даже обуви, тоже не остался без награды за смелость покинуть дом в такое опасное время суток. Он отыскал в небольшой швейной мастерской замечательный профессиональный комплект портновских ножниц, целый ящик других незаменимых аксессуаров, три рулона чистой парчи, с дюжину рулонов драпа, а также несколько мешков кожи в нарезке и шкурках. Видимо, местные мастера просто не успели выполнить какой-то крупный заказ.

С хорошим настроением они ехали домой. Ничего не предвещало беды. Но беда не ждет хорошей погоды, падения астероида или курса доллара. Она просто есть, и она никому и никогда не позволит забыть о своем существовании. Как только Ганс сменил Портного в управление снегоходом на полпути до Вильямартина, транспортное средство занесло на обледенелом участке поворота, и оно перевернулось, утянув за собой тяжелые груженные сани. Никто из экипажа не пострадал. Инцидент лишь слегка наспиговал их шивороты снегом за неосторожность.

Рыжий стоял и громко лаял в сторону опрокинутых саней.

–Тихо-тихо, дружок! – успокоил испуганного пса Портной, погладив его по сутулой худощавой спине.

Перевернув снегоход на гусеницы, Ланге первым делом попытался его завести, но старания хрипящего стартера не давали положительного отклика при повороте ключа.

–А-а-а! И какой черт занес нас на эту галеру! – схватился за голову Ганс, добравшись, наконец, до карбюратора.

–Что? Что случилось? – встревожился Портной.

–Карбик переливает! – раздраженно прокомментировал тот.

–А можно на человеческий перевести? – в той же манере ответил Портной.

–Можно! Снегоходу конец! Карбюратор летит в автомобильную Вальхаллу! Аминь! Так понятно? – не успокаивался Ланге.

–Эй! Полегче... – «на поворотах» – хотел сказать Портной, но вовремя остановился. Он не хотел обижать друга. Тот и так был на взводе.

Ганс посмотрел на своего товарища, покачал головой и, виновато потупив глаза, сказал:

–Прости. Прости меня, друг! Не знаю, что на меня нашло. Какой же я осел! – ударил он себя по ноге. Ланге всегда так делал, когда нервничал.

–Ну, перестань! Мы в диких условиях, здесь всякое случается, – присев рядом на сиденье остывающего снегохода, Портной по-дружески похлопал его по плечу. – Ладно, время не на нашей стороне. Нужно выдвигаться, пока «Сумеречная Ярость» не взялась за свое дело, – взглянул он на запад. Буря двигалась медленно. До ее начала было чуть больше недели, но далеко на западе горизонт уже затянуло тяжелое черное облако изрезанное толстыми белыми жилами неутихающих гроз.

3

Спрятав снегоход под пологом, друзья условились вернуться за ним, когда стихнет буря и потеплеет. Затем они собрали разбросанные по сторонам вещи, взяли каждый по веревке и потянули сани в сторону Вильямартина.

Движение с санями занимало очень много времени и сил. Приходилось часто останавливаться и делать привал, чтобы отдохнуть. А это, как правило, сопровождалось разведением костра, разогревом пищи, просушкой сырой обуви и одежды.

Дрова тихонько потрескивали в небольшом костерке, обложенном обычным бутовым камнем, и языки пламени отсвечивали от темных запотевших стен ржавого автобуса, где они устроили очередной привал.

–Что же я скажу Диего! – по мере приближения к Вильямартину к Гансу все чаще приходило понимание неминуемости предстоящей беседы с хозяином снегохода.

–Я бы больше беспокоился о том, что мы скажем вождю, – высказал свое мнение Портной, делая маленькие глотки из фляжки с пряным янтарным ромом.

–Не беспокойся. Это я втянул тебя в эту передрагу. Мне и разгрести.

–Нет, Ганс. Так не пойдет. Вместе влипли, вместе и расхлебывать будем. Я вот еще о чем подумал: убежище-то в Вильямартине небольшое. Туда едва местные помещаются на период Сумеречной Ярости. Помню, какой-то торговец по дню еще жаловался мне в трактире, говорил, что всех заблудших они отправляют к нам – в Пальмиру. Якобы даже местные с трудом в убежище помещаются. Приютят ли они нас?

–Думаю, да. Мы же не бродяжки какие-то. Мы, можно сказать, жители новой столицы Испании! – высокопарно произнес Ланге, протирая тряпочкой нелепые запотевшие круглые очки для зрения.

Портной возмущенно отвел взгляд в сторону, несогласно цыкнул и сказал:

–Не бродяги? Жители новой столицы? Знаешь, люди всегда искали повод возвысить себя над остальным миром. Сначала мы вознеслись над дикой природой, потом заставили животному и растительному миру служить во благо человека, следом шла наука... она в какой-то мере, тоже покорялась самым пытливым умам. Но затем человеку и этого стало мало, и он решил возвыситься над самим собой, а следом и над всей вселенной, пытаясь расшифровать ее великий замысел.

–Хм! – хмыкнул Ганс. – Ты знаешь, слушая тебя, я в очередной раз убеждаюсь... – выдержал он паузу.

–В чем? – не вытерпел Портной.

–Убеждаюсь в том, что мой друг истинный гуманитарий, – добавил он и громко расхохотался.

–Да ну тебя! – улыбнулся Портной и кинул в товарища полупустую фляжку с алкоголем.

–Наконец-то поделился! – Ланге поднял ту с пола и сделал глоток.

–С тебя такой же пьяница, как и куряга! Сейчас опять кашлять начнешь.

Парня задела фраза Портного.

–Спорим, не раскашляюсь! – пробурчал он.

–Ладно, я шучу! Допивай ром и пойдём. Буря все ближе, вон как стемнело. Точно ночь снова вернулась.

–Это точно! – вздрогнул Ганс от фразы про «ночь».

До провинции оставалось каких-то пару-тройку километров. А это примерно столько же часов пути с тяжелыми груженными санями. Макушки домов уже давно показались на горизонте. Но вот что удивило и насторожило друзей: в полумраке не было видно огней.

–А это вообще нормально, что там так темно? – буквально снял с языка Портного Ланге.

–Не думаю, – однозначно ответил тот.

Они ненадолго остановились, пытаясь высмотреть хоть какое-то движение или отблески в сумерках. Но ничего не происходило. Уютный Вильямартин будто застыл, затаил дыхание в ожидании подступающей бури. Однако уличное освещение не выключалось даже на время Сумеречной Ярости – это был один из негласных законов, призванных привлечь внимание охотников, не успевших вернуться домой, или же странников, которых застали врасплох аномальные погодные условия. Также по всем улицам селения расставлялись знаки со стрелочками, указывающими путь к убежищу. Но это были единичные случаи. Любой, кто не успел

спрятаться от Сумеречной Ярости, становился ее добычей. От нее можно было убежать, она была достаточно медлительной и неповоротливой. Но бороться с ней было бесполезно.

– Может, у них проблемы с генераторами? – предположил Ганс.

– Все может быть, – не стал пугать его Портной. Чутье подсказывало ему, что дело тут вовсе не в генераторах. А поскуливающий Рыжий, вероятно, почуявший что-то неладное, только подтверждал его опасения, добавлял жути к и так трепетной ситуации. – Значит так, берем только самое необходимое: еду, воду, барахло, которое ты там нашел, и мой набор ножниц.

– По-твоему, ножницы входят в список «самого необходимого»?! – возмутился Ланге.

– По крайней мере, ими можно вспороть брюхо в случае чего! – устал жалеть непонятливого товарища Портной.

Глаза Ланге округлились, а из его уст посыпался град вопросов:

– Ты думаешь, там мародеры, да?.. Может, бандиты?.. Но как мы их одолеем?.. Какая у нас подготовка? – Ганс одолевал вопросами уже выдвинувшегося в сторону провинции Портного.

По пути Портной несколько раз притормаживал, чтобы оценить обстановку с помощью бинокля. Но он будто бы смотрел в окуляр диоскопа.

– Это место мертво, – случайно вырвалось у Портного, когда они находились в километре от Вильямартина.

Ганс сглотнул слюну. На этот раз он не стал задавать вопросы, только выхватил у Портного бинокль, чтобы попытаться найти причину опровергнуть слова друга. Однако тьма, нависшая над провинцией, не давала ни малейшего намека на жизнь.

Вильямартин и вправду оказался брошенным. Это стало понятно сразу же, как парни ступили на землю провинции: занесенные снегом улицы и пороги домов с будто бы специально приоткрытыми дверями, исцарапанные морозными узорами окна, отсутствие следов на дорогах, чистый стылый воздух без каких-либо запахов, вони от дыма или скотного двора. И абсолютная, не оставляющая шансов, тишина...

– Мы были здесь несколько дней назад, а ощущение, будто бы это место бросили лет сто назад, – сказал Ганс, рассматривая поглощенное демонами ночной пустоши поселение.

Портной спустил на шею платок, прячущий лицо от мороза, вытер рукавом приставший к темной длинной густой бороде иней и подошел к двери одного из домов.

– Что ты задумал? – поинтересовался Ганс. Но Портной вновь проигнорировал его.

Смахнув перчаткой прилипший к двери снег, он поднялся и отошел на несколько шагов назад – к месту, где его ждал Ганс. Рыжий беспокойно залаял.

– Что это? – встревоженно произнес Ланге.

– Не знаю... – в несвойственной для него неуверенной манере ответил Портной.

На светлой приоткрытой деревянной двери жирной черно-красной краской был небрежно начерчен незнакомый им знак в виде круга и двумя горизонтальными линиями по центру.

– Может, это знак тревоги какой? Чтобы мы знали, что жители Вильямартина были вынуждены покинуть это место. Не помнишь, среди опознавательных знаков Пальмиры есть такой? – поинтересовался Портной и попытался отковырнуть ножом кусочек жирной краски от двери.

– Может, и есть... – выхватил кусочек краски из руки товарища Ланге. Затем достал из кармана рюкзака зажигалку, щелкнул колесиком кремния и поднес эту темную субстанцию к огню. – Но я не уверен, что их рисуют смесью из мазута и крови, – понюхав состав, сказал он.

– О, Боже! – вырвалось у Портного. Он был уверен в словах Ганса. Тот наверняка знал, о чем говорит. Масса плавилась, капая и утопая в белом снегу, а темно-красные вкрапления слегка вспыхивали и падали вниз, словно раскаленные осколки золы, вылетающие из печного поддувала. Даже Портной это знал – мазут так не горит.

–Видимо, тот, кто нарисовал этот знак, хотел, чтобы он продержался здесь как можно дольше. В крови присутствует сильный окрашивающий пигмент, а смола – это неплохой связующий элемент. Плюс ко всему, насколько я помню, это дверь дома главы поселения – Адриана Бриора. Это своего рода послание. Только что оно означает?..

В самом доме следов борьбы или насилия обнаружить не удалось. Но тот кровавый знак на двери не оставлял их в покое. От него прямо разило тревогой и жестокостью.

Пройдясь по улицам провинции, друзьям удалось встретить еще несколько таких знаков, оставленных на дверях помещений. Оставалось проверить лишь убежище, которое располагалось в северо-западной части города – в цокольном этаже госпиталя.

Последняя надежда на то, что в этом месте остался хоть кто-то, кто смог бы объяснить исчезновение жителей целого поселения, улетучилась вместе со сквозняком, стремящимся в распахнутую настежь дверь в убежище.

–В общем, план такой, – повернувшись к Гансу, начал Портной, – мы спускаемся вниз и пережидаем здесь «Сумеречную Ярость», затем возвращаемся в Западную Пальмиру и все рассказываем сеньору Раулю Маноло. Но перед тем надо проверить, есть ли в убежище припасы и топливо для генераторов, иначе мы окочуримся еще до начала бури.

–А вдруг на дверях Пальмиры тоже появился этот знак? – едва сдерживал эмоции Ланге.

Портной тяжело выдохнул, но отвечать на вопрос не стал. Для предположений и гипотез у них была впереди целая неделя. Сейчас важнее всего было отыскать все необходимое для того, чтобы благополучно пережить это время. Затем уже шло все остальное.

До начала бури оставалось каких-то пару дней. Примерно в этот момент жители поселений и спускались в убежище. Но этот раз отличался от остальных. Легкий ветерок потихоньку разгонял переметы на дорогах тихого Вильямартина, заводя свой грустный сонет в честь онемевших улиц. Однако крайне опасно было вслушиваться в строки этого сладкоголосого выскочки. Нужно было готовиться к истинному, беспощадному слогу чтеца под названием «Сумеречная Ярость». И, несмотря ни на что, парни не унывали. Перед ними стояла важная и сложная задача подготовки. Приятным сюрпризом оказалось то, что генераторы в убежище были заправлены под завязку, а рядом с установками оказалось несколько запасных бочек с вязким от холода топливом. Это говорило о том, что местные жители подготавливали убежище к приходу стихии. Вероятно, причина их ухода или же таинственного исчезновения крылась вовсе не в дефиците топлива или ресурсов. Хотя еду пришлось все-таки поискать. Покопавшись во владениях пропавших хозяев, они нашли пару узелков строганины, болтающихся на бельевой веревке, несколько банок с соленьями в подвале небольшого домика и мешок с сухарями. Этого было достаточно, чтобы пережить бурю.

Разогнав генераторы на полную катушку, Портной и Ганс замкнули дверь изнутри, приготовившись к приходу сурового сезона.

По мере приближения бури ветры становились все сильнее. Утренний свет, украдкой показавший свое присутствие, вновь сменила тьма и холод. Столбик термометра в этот период падал до -90°C и даже ниже. А из-за сильных ветров они ощущались и вовсе, как абсолютный ноль. Те немногие, кому повезло, кто успел сбежать и скрыться от бури в каком-то подвале или убежище, рассказывали, что в пик «Сумеречной Ярости» природа превращается в настоящего хладнокровного убийцу, запускающего тысячи тоненьких стрел из вонзающейся в плоть снежной крупы, разогнавшейся до скорости «Сапсана». Дышать и без того остывшим воздухом становилось практически невозможно. А тут еще и снег плотным слоем налипал на лицо и туловище, крепко сковывая движения. Если задержаться на улице лишние пару минут и не спрятаться в укрепленном изолированном помещении, то буря, призванная уравнивать все вокруг под своим тяжелым гипсовым одеялом, быстро превратит тебя в очередную ледяную скульптуру, навсегда застывшую в безмолвной белоснежной пустыне забвения.

Так уходила ночь. Так она прощалась со своими замерзшими, заблудшими детьми, потерявшимися и покинутыми на этой погибающей планете. Она, возможно, хотела, наконец, прекратить их страдания, избавить от ложных надежд, обнять, приласкать и забрать с собой, отныне и во веки веков.

Связаться с Западной Пальмирой по радиосвязи не получалось. С другими заселенными городами и провинциями, с которыми стараниями отважной исследовательской экспедицией под названием «Искатели Света Пальмиры» удалось наладить радиокommunikации, также выйти на связь не вышло. Отовсюду доносилось лишь траурное урчание радишума. Ганс, помогающий в свое время разрабатывать схему коммуникационных вышек, предположил две возможные причины, по которым в ответ на их «Прием!» никто не отзывался. Первую он назвал «Зоной покрытия радиовышек». Та была достаточно узкой. Из-за горной местности она сильно ограничивалась, захватывая область в пределах 15-20 километров. От Вильямартина до Западной Пальмиры было больше 50 километров. И если хотя бы одна из вышек не работала, ждать обратной связи было бесполезно. Второй причиной оказалась возможность обрушения или поломки вышки от сильного ветра. Однако в данном случае включалась резервная вышка, также выстроенная в пределах селения. Возможность обрушения обеих укрепленных вышек была очень маловероятна. Такого еще никогда не случалось. Сознание сопротивлялось, отказываясь верить в совпадение с исчезновением людей и поломкой вышек. Но, в любом случае, самой страшной причиной, которую Ланге не называл, оставалась самая очевидная – отсутствие оператора на месте приема сигнала. Оператор покидал свое место только в одном случае – когда его сменял другой. Таковы были правила. Таков был закон.

На вторые сутки «Сумеречной Ярости» друзья стали свидетелями очередного загадочного события. Дремлющий у теплого генератора Рыжий иногда недовольно похрапывал. Своей болтовней они мешали ему спать. Казалось, это единственное, что могло потревожить зверя. Но нет. Неожиданно пес вскочил и беспокойно взвыл. «Вуф-Вуф!..» – протянул он, стяхнувшись со своей дрожащей худой спины покрывало, которым заботливо прикрыл его хозяин, чтобы тот не замерз.

–Ладно-ладно, мы больше не будем тебе мешать, дружище! – отшутился Ланге.

–Тихо! Помолчи, Ганс... – прислушиваясь к тишине, попросил его Портной. Он знал, что Рыжий не будет без причины выть на Луну или лаять, словно вредная мелкая шавка, впечатленная кошмарным сном про котов-убийц или тараканов-ниндзя. Это был взрослый и спокойный пес, история породы которого уходит за пределы двух тысячелетий. – Рыжий не стал бы просто так лаять. Потуши свет! – попросил он Ланге.

Ганс без промедления исполнил волю товарища и подошел к входу.

–Может, учуял чего? – дернулся он к занавеске, которая прикрывала окно входной двери.

–Стой! – подбежал к нему Портной и ударил по руке.

–Ты чего? Больно же! – потирая место удара, возмутился тот.

Рыжий снова залаял. Портной прижал его к себе, успокаивая его и поглаживая по голове. Пес перестал лаять, но продолжал озабоченно поскуливать.

–Там кто-то есть, – прошептал Портной.

–Где есть? О чем это ты? – развел руками Ганс.

–За дверью, балбес! Тащи одеяло! Быстро! Рыжий так не успокоится, – поторопил он друга. – Неугомонный пес, – переключился он на животное. Пес вновь собирался завести свою громкую предупреждающую песню.

Ланге быстро притащил плед и накрыл им собаку. Тот, наконец, притих. Но тишина оказалась лживой мерзавкой, приласкавшей их слух лишь на мгновение. Ведь через миг ее сладкий шепот сменился утробным рычанием, отразившимся в дребезжании стен и металлических генераторов. Это было похоже на отголоски низкомагнитудных толчков или же движение каравана, состоящее из тяжелого гусеничного транспорта. Затем беспокойный рокот стих. Но это

был не конец. В следующий момент за окном вдруг послышалось шуршанье и хруст снега, сминающегося под чьей-то уверенной поступью. Некто, находящийся снаружи в самый разгар бури, смахнул налипший на окне снег и прислонился к стеклу, пытаясь взглянуть в темноту. Сквозь едва просвечивающуюся мешковатую ткань было видно силуэт человека, прикрывающего уличный сумеречный свет своим могучим телом в толстой зимней экипировке.

– Может, это какие спасатели? – прошептал Ланге.

– Черта с два! – выдал Портной. – Они могут быть кем угодно. Мы не станем этого выяснять, ясно?

Друзья знали, что этот новый мир полон опасностей со стороны как диких зверей, так и людей. И если животное просто пытается найти себе пищу, чтобы выжить, то человек не упустит возможности воспользоваться всеми благами анархии и просто насладиться безнаказанностью, просто так, ради забавы ненадолго слететь с катушек. Отторжение каких бы то ни было норм, мародерство, тяга к жестокости, саморасправе и другие отголоски неконтролируемой социопатии процветали в полной мере. Они, словно чума, преследующая кризис, распространялись с бешеной скоростью, развивались и трансформировались в невообразимые формы – гибриды глупости и жестокости.

«Что ты тут высматриваешь, брат?» – послышался из-за двери глухой, грубый мужской голос, произнесенный будто кем-то в противогазе. Человек, глядящийся в окно, повернулся к обратившемуся к нему мужчине и ответил: «Да черт его знает, брат!.. Может, от бури уже крышу сносит. Показалось, что лай собачий слышал!» – добавил он и вновь прислонился к окну. «А ну, дай-ка я гляну», – поменялись местами неизвестные. Второй на секунду прислонился к окну, затем несколько раз подергал ручку двери и сказал: «Странно! Я же лично проверял это место перед тем, как отправиться на восток. Дверь была открытой. Мы ведь не оставляем их запертыми, верно?.. Нам же не нужно, чтобы сюда кто-то вернулся? – задал навоящий вопрос второй. Первый, вероятно, одобрительно кивнул. – Вот и я так думаю, – продолжил тот. – Да и ладно. От ветра, наверное, захлопнулась. Вряд ли собака умеет замыкаться изнутри! – расхохотался он. – Ты давай, это, поставь нашу метку – и погнали дальше. Впереди еще много таких загонов с собаками!» – злобно проговорил он. Тот, который первым заинтересовался убежищем, открыл банку с краской, болтающуюся на поясе. Под днищем жестяной банки находился отсек с отверстиями, где устанавливалась горячая спиртовка, разогревающая черно-красную смесь. Открутив крышку, он вынул плавающую в краске кисточку и начертил на окне круг с двумя горизонтальными полосками. Капли горячей смеси, стекающей по окну, быстро поддались холоду и застыли, оставив зловещий оттиск не только на поверхности стекла, но и в душе друзей, прячущихся по другую сторону двери.

Портной и Ланге терпеливо ждали окончания бури. Теперь они чувствовали всеми фибрами души и считали своим священным долгом, что нужно посетить все заселенные города и провинции, расположенные по пути в Западную Пальмиру. Им не терпелось добраться до дома и узнать, постигло ли их родные земли то же загадочное опустение или же нет – пронесло. Дни до окончания бури тянулись, словно тот стекающий по стеклу остывающий мазут, которым был начертан странный символ. Ничего не хотелось делать. Все буквально валилось из рук. Но Портной и Ганс были скованы одной нерушимой цепью, которую природа повесила на внешнюю сторону двери и скрепила огромным замком, выбросив впоследствии ключ – Сумеречной Яростью, покоряющуюся только времени и первому лучу Солнца.

И вот настал тот день, когда буря стихла, оставив за собой дремлющие сугробы снега, мирно облокотившиеся о стены домов. Тяжелая грозовая туча ушла на восток, освободив место для теплого Солнца, которое вот-вот собиралось показать свою макушку.

Выбравшись из-под высокого перемета, наваленного неумемной силой над входом в убежище, парни, наконец, оказались на улице. Буря оставляла за собой не только обледенелые трупы бедняг, не сумевших найти убежище, но и разрушенные сараи, крыши домов и другие

неукрепленные сооружения. И если человек тут же не брался за ремонт своего жилища, оно превращалось в руины. Вильямартин был обречен.

Дорога до Западной Пальмиры заняла достаточно много времени. Альгодоналес, Лос Вильялонес и Арриате также оказались безлюдными. И, что самое страшное, на дверях некоторых домов парни обнаружили тот же самый таинственный знак – круг с двумя горизонтальными полосками, – оставленный загадочными людьми, свободно разгуливающими под колючим небом «Сумеречной Ярости».

До Пальмиры оставались считанные километры. И эти километры оказались для друзей самыми тягостными в их жизни.

Глава 2

1

Город Ронда стал причалом для многих скитающихся после полной остановки Земли бродяг. Некогда цветущий гранатовый рай превратился в настоящую колыбель для тех несчастных, кто уже перестал верить в будущее. Большинство из них и вовсе позабыли это доброе слово. Уж слишком много страдания и потерь выпало на участь выживших. Жизнь тянется к жизни, и инстинкт вел человека туда, где он еще мог ощутить тепло и разделить свою печаль с другими. И для того, чтобы замерзший и уставший странник не заблудился на умирающих землях нового континента, уцелевшие жители Ронды установили поверх выполненной в ренессансной манере колокольни католической церкви Святой Марии пламенеющий маяк, который своим ярким синим светом манил каждого, кто проходил неподалеку. Этот маяк, а впоследствии и само поселение, называли Западной Пальмирой, чей свет готов обогреть каждого нуждающегося. По крайней мере, так было раньше.

Испания – единственная из стран Европы – не ушла под воды Северного Полярного океана, но ее берега также изменили свои лазурные очертания. Теперь Ронда – это южное побережье Испании, а стены домов, что в течение многих эпох, словно мох, покрывали скалу, где расположился Сьюдад – это лагерь для множества выживших.

Обычно на входе в заселенную часть города, у моста Пуэнтó Нуэво, нависшего над стометровой глубины ущельем Тахо, соединяющего старый Сьюдад и новый Меркадильо, где теперь расположился контрольно-пропускной пункт, скапливалась целая куча народа: жители Пальмиры, которые находились в вылазке, вновь прибывшие скитальцы, бродяги, торговцы, а также аферисты, воры и сироты. Яркий синий свет маяка Западной Пальмиры по-прежнему непрестанно сиял, но в этот раз будто ни для кого.

Для вернувшихся с вылазки Портного и Ланге это был судьбоносный момент. Вот-вот друзья должны были получить ответ на вопрос – конец это или нет? Да, маяк сияет! Да, ворота закрыты! Да, на них нет этого зловещего знака! Но тишина... опять тишина. «О чем же она молчит? – думал Портной. Приблизившись к мощным пятиметровым деревянным воротам, возведенным на месте КПП, он постучал в дверной молоток. В ответ никто не отозвался. Переглянувшись с Гансом, Портной вновь постучал в дверь, но на этот раз громче, сопроводив свистом с последующей фразой: «Эй! Постовой! Открывай ворота! Свои!»

Неожиданно, когда свеча надежды уже начинала коптить, через передаточный лоток ему по всем канонам местного гостеприимства были предложены карандаш и бумага, где он мог написать либо кодовое слово, либо кто он такой и зачем пришел. «Ура!» – взвизгнул Ланге и обнял Рыжего, радостно завивавшего хвостом. Портной тем временем черкнул на листе пароль «Подарок для мавританца», вложил в лоток и спешно толкнул его обратно. Это словосочетание существовало для уже осевших в Западной Пальмире людей, дабы не стоять в очереди, пока выясняется личность очередного бродяги, желающего поселиться в портовом городке.

– Давно так глухо у вас? – торопливо поинтересовался Портной.

Седобородый старик-постовой в зачуханной серой шапке, слегка заваленной набок, поднял глаза на Портного и спокойно ответил:

– Да уж больше недели кроме вас, ребята, никто не пересекал границ Пальмиры, – медленно проговорил тот, держа в одной руке жестяную кружку с разведенным в кипятке цикорием, а другой передавая возвратные документы им на подпись, – не заходил... и не выходил. Вообще Рауль Маноло пока запретил покидать пределы Пальмиры (так по-стариковски протянул он, потягивая горячий напиток) до выяснения причин. Связи с соседями нет уж как

несколько дней. А вы-то откуда пожаловали? Хотя, стойте! Это вас я, помнится, провожал еще до бури? – после чего добавил в кружку еще ложечку сахара и вновь сосредоточился на парнях, ожидая ответа на заданный вопрос.

Вылазчики поблагодарили постового и ушли. Они не стали рассказывать охраннику о том, что видели, решив сразу доложить обо всем совету и непосредственно Раулю Маноло Видэл – главнокомандующему, главе, наставнику. Его называли по-разному, хотя по стилю правления он больше походил на вождя, так как заботился о жителях, словно о собственных детях, вел их, к какому бы оно ни было, будущему, хоть и сам иной раз сомневался в том, что оно наступит.

В ратуше, расположившейся в бывшем полуразвалившемся здании Дворца Конгрессов, сразу же по другую сторону моста, что находилась в пределах Сьюдада, ставшего теперь островом, соединенным с континентальной частью лишь высоченным каменным мостом Пуэнтó Нуэво, как раз проходило собрание совета старейшин. Рауль Маноло вместе со своими советниками обсуждал положение дел внутри общины, насчитывающей уже более трех тысяч человек. Поднимался вопрос готовности экспедиции к февральскому походу спецотряда на восток, исчезновения связи с другими поселениями и бродяг, желающих попасть в Западную Пальмиру.

Отворив почерневшую от времени кованую калитку, Ганс и Портной скользнули под белокаменную арку, быстро преодолели открытый светлый внутренний дворик старого двухэтажного здания Дворца Конгрессов и вошли в помещение. Тем временем в зале заседаний Рауль Маноло отчитывал одного из своих четверых заместителей за то, что тот не справился с задачей подготовки скотных дворов к дневному сезону. После бури прошло уже несколько дней. За это время заму и его подчиненным требовалось всего лишь освободить сарай от трехметровой толщи оледеневшего навоза с помощью отбойных молотков и газовых резаков. А это не требовало особого мастерства от исполнителя.

–Но вы даже с этим не справились! – закричал Рауль, стукнув кулаком по столу.

–Мы все исправим, сеньор Видэл! Просто подтаивающая на крыше сарая вода все полгода заливала помещение, и мы боимся повредить древесину при освобождении. Она еще очень хрупка от мороза.

–Я устал слушать отговорки! Примитесь за дело прямо сейчас. Животные больше не могут находиться в изолированном от свежего воздуха помещении. Через неделю я сам надену резиновые сапоги, засучу рукава и лично приду с проверкой, все ясно?!

–Да-да, сеньор! Сделаем! Уверю! – убеждал его шуплый лысоватый заместитель с большой круглой головой. Он собирал трясушимися руками отчёты, постоянно озираясь на вождя и уже наполовину поднявшись со стула. В этот момент ребята и ворвались в зал. Выбегающий из комнаты на полусогнутых ногах заместитель, словно испуганный заяц, спешащий исправлять недоработки, просочился между ними и аккуратно прикрыл за собой дверь, чтобы ни дай Бог больше никого не взбесить своими оплошностями.

Портной и Ланге озадаченно переглянулись, задумавшись, уместным ли сейчас будет их визит.

–Чем обязан, господа? – поинтересовался еще немного раздраженный сеньор Видэл.

–Мы хотели бы... эээ... – замялся сбитый с толку Ганс Ланге, спрятав смущенный взгляд под кучерявой каштановой челкой.

–Мы знаем, почему к нам в город больше никто не идет, – поддержал его Портной, расстегивая молнию куртки. В комнате было душно.

Рауль Маноло окинул их взглядом, затем посмотрел на реакцию замов и с недоверием прокомментировал:

–Ну, коль знаете, так рассказывайте. Кто вы такие, и что видели?

–Я – Портной, занимаюсь пошивом и починкой одежды, обуви, экипировки, тентов. А это мой друг, Ганс Ланге – он в свое время помогал строить Маяк, а сейчас работает над совершенствованием технологий коммуникации с другими поселениями. Мы совершили вылазку, но недалеко, в ближайшие окрестности. Только что вернулись... – начал было Портной, но его перебил один из замов – мужчина с аккуратно выбритой бородкой и хитрым задумчивым взглядом – по имени Маурицио:

–Так-так-так, вот уже прошло больше недели, как никто не появлялся, даже на границе. Десятки вылазчиков пропали без вести. А вам удалось вернуться?! – саркастично заметив, удивился тот. – Связь же с соседними поселениями и вовсе исчезла!

–Что, даже из Каира нет вестей? – поинтересовался молодой Ганс Ланге. Каир был самым дальним населенным пунктом, с которым исследовательской экспедиции «Искатели Света Пальмиры» на данный момент удалось наладить коммуникации. – Неужели и их забрали?

–Даже из Каира... да будет вам известно, юноша, сигнал из столицы Египта пропал первым, причем несколько месяцев назад – в разгар темной ночи. Затем замолчал Ваддан, Уаргла, Фес, наш форпост на Гибралтаре, Фасинос, Эль Чапаррито, Вильямартин и все-все-все, что находилось между ними. Последними уже во время «Сумеречной Ярости» стихли Альгодоналес и Арриате. Мы должны были замолчать следующими, – высокомерно произнес Маурицио Каррера, издевательски вытаращившись на парня.

–Ладно, Маурицио, хватит пугать ребят. Что вы там видели, рассказывайте? – поторопил их Рауль Маноло и сосредоточился на повествовании.

Скрывать детали не имело смысла, и рассказ друзей о тайной вылазке в Севилью начался именно с того момента, когда Ланге и Портной незаконно покинули Западную Пальмиру. А закончился тем, что соседские земли опустели после встречи с незваными гостями, запросто разгуливающими по улице во время смертоносной бури. И про знак, чьи кровавые очертания навсегда отпечатались в их сердцах.

–Те люди в экипировке двинулись в сторону Гибралтара. А мы через несколько дней достигли окрестностей Западной Пальмиры, – закончил свой рассказ Портной.

–Это может быть совпадением. Типичная банда разбойников или живодеров, которые решили поиздеваться над мирными жителями, – предположил один из замов, тот, что до этого молчал, иногда недоверчиво мотая головой.

–Это не обычная шпана, жаждущая легкой наживы. Эти люди профессионалы, которые не оставляют следов, если того не захотят сами, – возмутился Ланге.

–Я вам верю, ребята, – неожиданно выдал Рауль Маноло к глубочайшему удивлению заместителей. – Эти незнакомцы запросто могут оказаться лишь незначительной частью чего-то большего. Мы должны быть готовы ко всему, – заключил вождь. – Большое спасибо, ребята! Вы очень помогли нам своим рассказом. Мы пригласим вас, если понадобится какая-либо помощь. Единственная просьба: никому пока не рассказывайте об этом происшествии, – поблагодарил он рассказчиков, и те удалились.

Рауль Маноло снова остался в зале со своими заместителями.

–Ну что ж, эта информация открывает нам глаза на многие вещи, – с грустью в голосе произнес он. – Но, вероятно, нам повезло. Хронологически в тот момент, когда «гости» добрались до Арриате, мы уже спустились в убежище, а маяк оказался незаметен из-за зарождающейся бури. Поэтому они и не заметили нашей Пальмиры.

–Рауль, они всего лишь мальчишки, которые могли запросто приукрасить увиденное. А зная, в какое время живем, любая стычка с бандитами – это, как минимум, одно перерезанное горло, – обратился к нему Маурицио Каррера.

–Послушай, Маурицио, часто ли ты за ужином придумываешь подобные истории? Ребята не врут, я им верю – и точка! – утихомирил его вождь. – Ладно бы не было причин для беспокойства, а так-то все сходится. И теперь эти профи в экипировке, а не группка бандитов,

о которой они нам рассказали, будут пока оставаться под номером один в списке очевидных причин исчезновения людей и потери связи с другими поселениями. И еще одно «но» – нам, на всякий случай, все же стоит подготовиться к внезапному нападению. Еще раз, и в последний раз, повторяю: закройте напрочь ворота, никого не выпускайте. Впускайте лишь жителей поселения, вернувшихся с вылазки. Вновь пришедшим, если такие вдруг появятся, пусть часовые предлагают временно разместиться в «свободных номерах» Меркадильо. До выяснения личности. Займитесь укреплением стен Пальмиры. Сделайте так, будто это профилактические меры предосторожности, чтобы не сеять панику. Когда придет время, я сам сообщу людям обо всем. Пока на этом все! Продолжаем готовиться к параду в честь экспедиции. Сейчас на повестке дня это задача номер один. Думаю, что именно благодаря искателям нам все же удастся расставить все точки над «И»!

2

Две недели спустя

Каждый год, а точнее, с наступлением нового утра, когда ветра и непогода, сменяющие мрак на пекло, стихают, – из Западной Пальмиры отправляется почетная экспедиция «Искателей Света Пальмиры», состоящая из нескольких человек, как правило, в хорошей физической форме и обладающих уникальными навыками спортсменов, бывших военных, механиков, путешественников и медиков. Главной задачей экспедиции является сбор информации о других существующих поселениях, налаживание с ними радиосвязи и создание новой карты поверхности Земли, более точной и достоверной, нежели 25-летней давности география Фрачека. Экспедиция двигалась на восток, будто бы вслед за рассветом, и конечной целью было достижение восточных земель, где, как говаривал один странник, изгнанный оттуда за соращение чужой жены, расположились целые мириады выживших – настоящая могущественная империя. Огромная стена, называемая Козырьком, слепленная из грязи и бетона, делает его неприступным ни для человека, ни для боевой техники. Выбраться-то оттуда можно, а вот попасть внутрь – задача не из простых. Рауль Маноло считал чудного Ичиро, странника азиатского происхождения, поведавшего историю, немного странным. Считал таковым хотя бы потому, что тот долго находился один в пути и перестал чувствовать грань между правдой и вымыслом. Но в глубине души вождь все равно продолжал верить и мечтал о том, что там действительно есть люди, и, когда они встретятся, расцветет еще одна, но уже Восточная Пальмира со схожими целями и идеологией. Тогда бы они смогли контролировать и защищать почти всю северную часть Венца Фрачека, вплоть до экватора, от самой Атлантики до Тихого океана, на территории Африки и Евразии. Но странник так и не сказал, где конкретно находилось это место, лишь предостерег: «Любой, кто сунется на восток, пройдет не одну дюжину испытаний перед тем, как перед его взором раскинется изобилие восточных земель».

Начало февраля 2039 года. В самом разгаре отмечалось празднование наступления четвертого утра с момента полной остановки вращения Земли. С речью перед жителями Западной Пальмиры выступил верховный старейшина поселения – вождь Рауль Маноло Видэл.

–Во-первых, хочу поздравить всех с наступающим утром. Доброе утро! (последовали аплодисменты). Во-вторых, хочу напомнить, друзья (сделал он паузу), несмотря на то, что наши предыдущие попытки узнать больше о восточных землях пока не продвинулись даже на запланированное расстояние – из-за неисправности стратегически важного транспортного средства – мы все же намерены идти и искать. "Идти и искать!" – вот наша основная задача (снова раздались аплодисменты). Мы не опускаем руки, и не оставляем в беде тех, кто нуждается в помощи. Бог дал нам еще один шанс! Посмотрите, у нас есть все: жилье, еда, вода, мы есть друг у друга, и это самое важное, – протянув руки к жителям, с воодушевлением перечислил Рауль Маноло. – Большинство об этом уже и не мечтает. За прошлые годы нам удалось наладить связь со мно-

гими населенными пунктами, где еще остались выжившие, вплоть до самого Каира! Благодаря восстановленным коммуникационным узлам многие нашли своих родственников и друзей. Но вы, наверное, обратили внимание на то, что к нам в город уже давно никто не заглядывал, а некоторые наши земляки, находящиеся за пределами города, попросту пропали без вести. Да, люди по разным причинам исчезали и раньше, но не в таких количествах, а странники заглядывали к нам чуть ли не каждый день. Теперь нет. И дело не в совпадении. На это есть конкретная веская причина. У нас есть предположения, что на свободных землях орудует жестокая банда, которая зачем-то вербует или похищает людей, причем в огромных количествах – целыми городами и поселениями. Не будем фантазировать, зачем они это делают, но, вероятно, попавшие в их лапы люди сейчас в беде. Двое наших земляков поведали историю, которую им случилось увидеть, находясь в вылазке близ Вильямартина. Возвращаясь домой через неделю, они застали уже опустевшую провинцию, – народ оживленно загудел. – Мы сразу же приняли меры, – повысил голос вождь, – и две прошедшие недели усердно трудились, укрепляя ограждения. Но защитить себя – это лишь малая часть из того, что сделать необходимо... Связь с остальным миром для нас безвозвратно утеряна. Вся проделанная нашими инженерами работа по налаживанию коммуникаций была проделана зря. Ни одно поселение, вплоть до Каира, не выходит на связь. И это не к добру! Поэтому мы сейчас, как никогда, нуждаемся в силе, способной помочь нам противостоять самому настоящему, что ни на есть реальному злу. И на этот раз «Искателям Света Пальмиры» прежде, чем пуститься на поиски восточных земель, предстоит узнать, что творится в городах, связь с которыми мы налаживали в течение 3-х долгих лет... простите, теперь 3-х дней (исправился Рауль)... А-а-а! Да без разницы, в общем! Вы меня поняли, – махнул рукой вождь, запутавшись в принципах нового летоисчисления. Все равно люди больше тяготели к старой манере счета времени, так им было понятнее. Изменились лишь условия, в которых это время текло то студеным, то кипящим ручьем. И изменились до неузнаваемости. – Будем молиться, – продолжил он, – чтобы это были попросту технические неполадки! Но в итоге, если нам все-таки удастся отыскать таинственные восточные поселения, то цивилизация и порядок к нам вернуться. Кто знает, вдруг там находится такой же маяк, который желает помочь страждущим... а может, они и сами нуждаются в нас или знают ответы, которые смогут повлиять на судьбу всей планеты. Будем надеяться, что, кроме мародеров и бандитов, на Земле еще осталось место для цивилизованного человека, и чтобы это выяснить, нужно "Идти и искать!" Кто знает, может, вслед за Востоком мы также заново откроем для себя и Юг!

Как и на любом другом празднике, наступление нового утра, которого ждал каждый, от младенца до старика, сопровождалось песнями, плясками, сладостями и большим количеством выпитого. Не так много поводов для веселья выдалось за последние годы, но каждый жил надеждой, и наступление утра давало им именно такую надежду на светлое будущее.

В большом уютном зале горел приглушенный свет. На потолке вертелся зеркальный шар, отражающий лучи фонаря под игру местного оркестра, который выдавал чудесные мелодии кельтского фолка, редко разбавленные волшебным монистовым звоном индейских мотивов.

–Старик, выпивающий со своими пожилыми товарищами, маленький мальчик, танцующий с мамой, держась за ее теплые руки, молодые девушки, смущенные пожирающими взглядами юношей, – вот о чем говорил нам Рауль Маноло, – это и есть стимул, это и есть то, ради чего нужно «Идти и искать!» Неужели ты и сейчас не согласен с отцом, Родриго? – каждый раз удивлялся старшему брату Сантьяго, потягивая с ним пиво за круглым деревянным столом.

–Не доставай меня, братишка! – огрызнулся Родриго Видэл. Он был тем, кто возглавлял экспедицию «Искателей Света Пальмиры». Вокруг него постоянно роилась куча народа, парень был настоящей звездой в общине. С самого основания экспедиции, третий год подряд он вел за собой почетный отряд искателей. И все налаженные контакты с другими населенными пунктами были, прежде всего, его заслугой. Многие искатели уже отказались от забега

по неизведанным землям, но только не упрямец Родриго. – Ты же знаешь, что я не против его слов. Я против него! – заявил он.

За спиной Родриго зашептались его поклонники, к которым он относился, как к своим подданным. Высокий, крепкий, коротко стриженный темноволосый красавец с тяжелым, весом в два пуда, взглядом, – он лишь окинул их презрительным взором, не прокомментировав трусость тех, кто боится сказать своё мнение в лицо. И вообще, он мало кого уважал.

– Вот опять ты за свое! За что винишь ты отца?! За то, что он спас тебя, а не ее? – говорил Сантьяго про мать, которую Рауль Маноло оставил в горящем доме, выбрав Родриго – родного сына – и вытащив его первым из охваченного пожаром помещения, не успев вернуться за женой. Повезло только Родриго. Когда Рауль рванул за женой, крыша горящего здания обвалилась, и ударной волной Маноло откинуло за несколько метров, он сильно ударился головой и около месяца провел в коме. Все обошлось, он благополучно пришел в себя, но травма дала осложнение на сердце, как и груз от потери любимой женщины. Но Родриго был ребенком, который скучал по маме. И вымещал недостаток материнской любви в ненависти к отцу. Такое бывает, когда ребенок не может самостоятельно справиться с потерей. Маноло это понимал, надеясь на то, что Родриго повзрослеет, у него появятся собственные дети, и тогда он поймет сложность выбора, который пришлось сделать отцу, вытащив первым из дома сына, а не жену. Но Родриго так и не понял, что Рауль Маноло вовсе не бросил ее, он просто не успел... Родриго так и продолжал ненавидеть и любить своего отца. Хотя любви не показывал, лишь игнорировал старика, постоянно намекая, что, когда случился пожар, тот сделал неправильный выбор и оставил в живых чудовище, а не самую добрую и ласковую женщину на планете – их любимую маму. Его младший брат Сантьяго Видэл тогда был еще совсем младенцем и не помнил произошедшего. Да и матери он тоже не помнил. Он всю свою жизнь пытался примирить этих двоих, но ничего из этого не выходило. Родриго вечно попадал в какие-то неприятности, Рауль Маноло их решал, но так и не получал в ответ благодарности и понимания.

Родриго допил бокал светлого пенного пива и с грохотом поставил его на стол. Всем своим видом он показывал, что эти разговоры ему наскучили. Он редко отвечал на упреки Сантьяго, хотя внутри него бушевал настоящий огненный вихрь. Но он не мог злиться на брата, ведь у него были ее глаза – глаза их матери. Таких добрых и ласковых глаз не было больше ни у кого.

«А кто это пристаёт к Зое?» – как бы случайно произнес кто-то из толпы обожателей Родриго.

Ланге не мог отвести глаз от танцующей Зои Скаврон. Движения бедер, игра волос и пылающий страстью взгляд молодой полячки сводили с ума бедного безнадежно влюбленного парня. У такого, как он, не было бы шанса обуздать красоту этой амазонки ни в этом, ни в любом другом мире, но, тем не менее, он мог любоваться ею, сколько вздумается.

– Перестань так пялиться на нее! – обратился к нему Портной, выпивая за баром виски. Прямо из бутылки.

– Я не пялюсь, коррилом! Я наслаждаюсь.

– Если она тебе так нравится, просто подойди. Ты уже взрослый мальчик... должен хотя бы попытаться, чтобы потом не жалеть всю жизнь, что у тебя был шанс, и ты его упустил.

– А знаешь, ты прав! Хватит уже сидеть на скамейке запасных, пора выйти на поле и показать, кто настоящий мужчина!

Стены зала заполнил волшебный стон гитарных струн некогда известного музыканта и пьяницы Микко Антиллы, разбавляющего пробелы в композиции своим хриплым чувственным баритоном.

И под любимую молодыми девушками мелодию, вздёрнув подбородок кверху, Ганс Ланге расправил свои достаточно широкие для его комплекции, но весьма костлявые плечи и направился к танцующей полячке.

Портному показалось это смешным. Он решил немного поддержать друга, крикнув вдогонку: «Удачи, macho!»

Сделав парочку неловких дерганных движений, больше походящих на конвульсию, а не на танец, парень, к всеобщему удивлению, все же обратил на себя внимание девушки. Она даже сделала в его сторону манящее движение пальчиком, как бы призывая составить компанию. Довольный Ганс взглянул на Портного и подмигнул, показывая, что «Дело сделано!» или, скорее «Все под контролем!». Он сам до конца не понимал, что хотел этим изобразить. Вообще, сомневаться было частью его природы, частью него самого. Но этот радостный для него миг триумфа продолжался совсем недолго. У Зои Скаврон были отношения с Родриго – сыном вождя и одним из самых завидных женихов Западной Пальмиры. Тот появился со спины, и, когда Ланге повернулся, испанец схватил парня за шиворот, словно щенка, и отодвинул одной рукой в сторону от Скаврон, заняв его место в танце. Девушка с жалостью посмотрела на оторопевшего Ганса, который стоял рядом и не знал, что делать дальше. Ланге понимал лишь, что если он сейчас уйдет, то путь обратно для него будет заказан. Зоя ему действительно очень нравилась. Но, несмотря на это, он сделал шаг в сторону от них. Затем резко остановился и зажмурился. В его голове вертелись одна мысль за другой: «Скамейка запасных... неудачник... беги, слабак, целее будешь!». «Только бы в нем не заговорил выпивший гордец!» – подумал наблюдающий за всем этим со стороны Портной. Но в глубине души он все же понимал, что его другу лучше бы пойти и ввязаться в драку, получить в морду, но ни в коем случае не сдаваться. Ганс, наконец, открыл глаза и уже уверенно повернулся обратно к Родриго Видэлу. Перед ним возникла громадная, – на полторы головы выше него, примерно во столько же раз шире в плечах, – фигура испанца. Видимо, погрузившись в мысли, он забыл, насколько силен и огромен на самом деле его соперник. Все, что смог сделать Ланге, глядя на того через запотевшие стекла очков, так это ткнуть пальцем в плечо и промямлить: «Эй!». Это было больше похоже на извинения за беспокойство, чем на вызов. Родриго медленно повернулся к нему и наклонился вперед, уткнувшись своим каменным лбом в лоб дрожащего Ланге.

–Ты что-то хочешь сказать мне, щенок? – на лице Родриго вперемешку с надменной улыбкой появился оскал.

Ответа не последовало.

–Ну, раз подошел, то скажи, кто вообще позволил тебе приближаться к моей девушке, ты, мелкий урод? – громко задал вопрос Родриго Видэл, под миной ревности которого таилось желание показать свое могущество перед поклонниками. Многие верили этой игре. Актером он был замечательным.

Зоя попыталась успокоить своего парня, объяснив, что это всего-навсего безобидный танец, но вспыльчивый испанец лишь отдернул руку: «Не сейчас, дорогая, видишь, мальчики разговаривают!» За спиной у него снова послышался одобрительный смешок воздыхателей.

Портной не любил потасовки, но оставить в беде единственного друга не мог.

–Притормози, твоя девушка говорит правду – они просто танцевали! – встал между ними Портной, прикрыв собой Ланге.

–Посмотрите-ка, кто нарисовался! Я-то думал, швея в нашем городе и вовсе немая. И знаешь, лучше бы тебе, в самом деле, сейчас оказаться немым, – переключился на Портного Родриго. – Смекаешь?

–Не-а! – дерзко ответил Портной, опустошив стакан виски и поставив его на стол. – Поясни, будь любезен.

–А у нас здесь, оказывается, все это время скрывался защитник! – адресовал нынешнюю фразу к собравшимся зевакам Родриго Видэл. – Забирай-ка свою «подружку» – и обе валите отсюда. Ах да, и не забудь просушить ее штаны! – толпа, окружавшая их, снова загоготала.

–Поверь, ни мне, ни ему не нужны проблемы. Просто не принимай это близко к сердцу, – попытался успокоить его Портной, положив руку на плечо испанца, понимая, что ничего пут-

ного из этого разговора не выйдет. Он был примерно одного роста с Родриго, правда, более худощавый, но не менее мускулистый, поэтому при желании мог дать тому отпор. Если бы дело все же дошло до драки, он бы точно не струсил. Жизнь в трущобах научила его не только защищаться, но и бить первым при необходимости.

Испанец расценил движение парня как угрозу, и грубо оттолкнул его от себя. Рыжий – пес Портного, любимец местной ребятни, весь вечер был рядом с хозяином, – начал было скалиться и лаять на Родриго, а когда двинулся в его сторону, чтобы цапнуть, разъяренный испанец больно пнул его ботинком в живот. Рыжий заскулил и, прихрамывая, отбежал обратно к хозяину.

–Я вытерплю любой удар и унижение в свой адрес, но ни одна сволочь не смеет трогать моего пса, – напирая на Родриго, с угрозой произнёс Портной. Его придержали окружающие.

–Стойте-стойте! – вмешался Ганс. – Я виноват перед тобой, Родриго, и приношу свои извинения.

–Не извиняйся перед этим... – разозлился Портной.

На этот раз уже Родриго попер на него, вызываясь наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, перечисляя:

–Перед кем?.. А? Перед сыном вождя? Перед возглавляющим отряд «Искателей...»? Перед тем, с кем рядом самая красивая девушка Пальмиры? – схватив за руку и поцеловав Зою, хвастался Родриго, но та отвернулась, зная, что это лишь игра на публику. – Перед кем, выбирай, несчастный сиротинушка?

–Знаешь, в другой жизни мы могли бы стать отличными врагами, – спокойно ответил Портной, теперь уже не реагируя на дешевые провокации испанца.

–Не беспокойся, мы и в этой жизни преуспеём! – рявкнул Родриго, глядя в равнодушные глаза противника.

Здесь уже вмешался Сантьяго. Схватив брата под руки, он оттащил его в сторону. Испанец вырвался, бросил последний дерзкий взгляд на Портного, демонстративно сплюнул на пол и ушел прочь, утащив за собой Зою Скаврон и толпу недовольных зевак, рассчитывающих на драку.

3

Подготовка отряда «Искателей» подходила к концу, оставалось заправить горючим технику, погрузить провизию, проверить и смазать оружие.

Рауль Маноло перед выходом экспедиции решил заглянуть к старшему сыну. В очередной раз он надеялся наладить их отношения. Он хотел сделать это до того, как силуэт его старшего сына скроется за занавесом из иссушенной пыли зарождающегося дня где-то на просторах Венца Фрачека. Он не хотел опоздать, как опоздал за любимой женщиной, которую поглотило пламя. Ведь каждая вылазка и каждая экспедиция запросто могла оказаться последний для любого, кто рискнул покинуть пределы Западной Пальмиры.

–Вот ты где, сынок!

–Да, вождь, вы что-то хотели? – холодно отозвался Родриго.

–Нет, я просто хотел увидеть своего сына. И перестань, пожалуйста, называть меня "вождь". Я прежде всего твой отец!

– Увидели, сеньор Видэл? А теперь прошу меня извинить – нужно собираться в дорогу.

Переступив через обиду и гордость, вождь перешел к делу:

–Послушай! Может, все-таки откажешься от идеи похода? Черт с ними, с этой связью и картой! У нас и так всего достаточно, чтобы спокойно дожить свой век. Сам погляди – всего ведь хватает! – раскрыв широко глаза, в очередной раз попытался отговорить сына Рауль Маноло.

–Вы снова за старое, вождь? – процедил сквозь зубы Родриго, с удовольствием полосую сердце отца точёным клинком равнодушия. Накануне празднования в честь наступления четвертого утра у них с отцом уже состоялась подобная беседа, где Рауль поведал сыну о рассказе ребят и пришел, чтобы уведомить его об отмене проекта «Искатели Света Пальмиры». На это Родриго ответил: «Если ты это сделаешь и отнимешь у меня то единственное, ради чего мне еще хочется жить, я просто развернусь и уйду из дома, и больше никогда не появлюсь в Западной Пальмире». Вождю некуда было деваться, он не хотел терять сына из-за своих принципов, ведь Родриго никогда просто так не бросал слов на ветер. Может быть, в этом мягкосердечии Рауля Маноло по отношению к старшему сыну и таилась истинная причина высокомерия и эгоизма Родриго уже по отношению ко всем вокруг. – Еще раз повторяю, мне плевать на то, что там видели два этих недоумка: Портной и как его... Ланге! Пока сам не увижу, – повернулся он, наконец, к вождю, – не поверю. И вам не советую.

–Да как же ты не поймешь, я не о них забочусь! Ты всегда был упрямым мальчиком, – Рауль все-таки отважился положить свою огромную ладонь на плечо вспльчивого сына, но тот лишь брезгливо дернулся, – но никогда не был глупцом, – обреченно добавил он. – Что, если за пределами города вас будет поджидать банда обезумевших головорезов? Что тогда? Если уж обо мне не печешься, то хоть о брате своем подумай. Он не переживет такой потери.

–Ну почему же не переживет? У него останешься ты! И тебе будет о ком заботиться, когда «упрямый мальчик», – процитировал он слова отца, – наконец, уйдет и перестанет мучить вас своим присутствием. Надеюсь, хоть за одним сыном ты сможешь уследить?!

–Господи, сынок, за что ты так со мной?! Я уже сотню раз извинялся за смерть матери и перед тобой, и перед твоим братом. Что еще ты хочешь от меня услышать?

–А разве извинениями можно вернуть маму?..

Вождь замолчал и опустил голову, украдкой вытирая рукавом глаза, наполнившиеся от обиды горькими слезами.

–Вот когда простишь себя сам, – продолжил Родриго, – если, конечно, такое вообще возможно, тогда я подумаю, отец ли ты мне или уже нет, – после чего он взял винтовку и мешочек с патронами и быстро удалился из оружейной.

8 февраля 2039 года. Словно сонный младенец, Солнце уже показало свой мягкий, теплый родничок из-за заснеженных вершин плоскогорья, что притопили воды Северного Полярного океана на западе от портового городка. Вся Западная Пальмира собралась у ворот в поселение, чтобы проводить отряд в долгий и тяжелый путь. Снова играла музыка, народ лакомился самой вкусной стряпней, которую только могли наколдовать повара под предводительством опытной кухарки, бабушки Граси, а участники экспедиции прощались с родными и друзьями. Все с волнением ждали, когда в транспорт начнут грузить алкоголь: немного комичный, и в то же время слегка ритуальный момент. Как и все остальное, только самая лучшая выпивка полагалась участникам экспедиции, и традиционно во время погрузки требовалось выкрикивать фразы, показывающие, насколько завидно быть ее участником. А в самом конце возглавляющий экспедицию должен открыть бутылку вина и выпить ее в один заход. Считалось, сколько он выпьет, столько задуманного пути они и пройдут. Но перед тем Родриго должен был толкнуть вдохновляющую речь. Он забрался на кабину грузовика и, держа в руке бутылку вина, обратился к народу:

–Минуточку внимания! – народ понемногу притих. – Спасибо! Вот и настал этот момент. Не буду скрывать: и мне, и моим людям страшно, потому что этот поход может оказаться последним. Всем нам не чуждо чувство страха, а в последнее время мы только и делаем, что боимся. Меня это, откровенно говоря, достало! И, выходя в очередной раз за периметр, я вступаю в битву прежде всего со своим страхом. Я борюсь с ним каждый миг, и от того крепну! Я бросаю вызов неизвестности, и от того мудрею! Я промахиваюсь, стреляя в цель, и становлюсь от того только более метким!

–Эй, Родриго, не слишком ли много "я"? Ты все-таки и людей еще за собой ведешь... – обратился к нему некто из толпы.

–Ты прав! – указывая на говорящего пальцем, ответил амбициозный испанец. – Как тебя зовут?

–Билл... Меня зовут Билли, Билли Тобин, – ответил рыжебородый улыбчивый парень, доброжелательно глядя на Родриго серыми, глубоко посаженными глазами из-под густых, лохматых не менее рыжих бровей.

–Послушай, Билли, чего ты больше всего боишься в своей жизни?

–Я?

–Да, ты!

–Даже не знаю... пауков, наверное, – искренне ответил парнишка, развеселив тем самым народ.

Родриго высокомерно хмыкнул, и, терпеливо дождавшись, когда народ, наконец, притихнет, вновь обратился к парню:

–Шутишь, значит, Билл... Билли. Тогда ответь мне еще на один вопрос... – присев на корточки, уставился он на смущенного собеседника. – А что, если вместо паука окажется толпа голодных бродяг, которые, если тебе им нечего будет предложить, запросто придушат тебя, а затем с еще большей легкостью съедят, даже не зажавив перед этим? Что тогда, Билл... Билли? – кривляясь, испепелял его взглядом Родриго Видэл. Среди толпы воцарилась тишина. – Тебе было бы весело, зная, что от твоего решения зависит еще и судьба тех, кто топает рядом?.. Вот! Вот и мне невесело! Поэтому! Я! Обещаю! – поднялся он на ноги. – На этот раз мы дойдем до загадочной империи, что скрыта от посторонних глаз на востоке, и если ее там случайно не окажется, то я лично поймаю паука, Билли, посажу его в банку и привезу тебе в подтверждение того, что, кроме них, там больше никто не водится!

Народ загремел от дерзкой речи харизматичного испанца, который зубами зацепил заранее приоткрытую винную пробку, демонстративно выплюнул ее в сторону, и в один заход опустошил бутылку вина, затем феерично разбив её о капот заведенного грузовика.

Провизию погрузили в машины, и экспедиция двинулась в путь. А жителям Западной Пальмиры ничего не оставалось делать, кроме как ждать их возвращения с ответом, что, может, хоть у жителей восточных земель есть представление о том, чего ожидать человечеству дальше – быструю ли смерть или же долгую и мучительную...

Глава 3

1

Путь Искателей проходил, в основном, по высушенным потрескавшимся дорогам между поселениями, которые они по плану должны были посетить. Уже давно почти вся растительность исчезла с лица Земли. Это случилось, когда условия ночи стали больше походить на затяжную экстремально суровую зиму. А самые живучие представители флоры без сожаления добились не менее экстремальные условия знойного дня. Лишь отдельные виды хвойных растений смогли адаптироваться к новому климату и течению времени. Среди животных остались преимущественно всеядные виды. То же случилось и с морскими обитателями. И те, и другие стали опасными охотниками, порой даже опаснее людей. Но в отличие от человека они просто пытались выжить, не извращаясь над своими жертвами. В отличие от спятивших изголодавшихся бродяг или небольших групп кочевников – некоторые из них были настолько обезображены, что облик человека становился миражом, на месте которого словно оказывался монстр, скрывающийся в глубоких песках пустыни. И с каждым годом, монстров становилось все больше. Голодный человек готов пойти на многое. Голодный человек способен на все, лишь бы избавиться от пустоты внутри себя. Пустота убивает, пустота поглощает тебя полностью. Но больше всего стоило бояться, если природа голода случайно окажется не связанной с потребностью только физической.

Искатели со всех сторон были окружены опасностями, но самой страшной из них все же оставалась неизвестность, по причине которой они могли больше не вернуться обратно – в Западную Пальмиру.

Путь до крайней точки, до Каира, куда искателям удалось добраться в прошлом сезоне, был четко прописан по пунктам, а на потрепанной карте, лоснящейся от частого использования, все еще выделялась толстая красная штрихпунктирная линия – дорога, границы которой, без веской причины и предупреждения, нарушать строго запрещалось. Из-за практически безостановочной езды и быстрого повышения температуры воздуха (к концу февраля она уже достигла отметки +10-15 С°) двигатель вездехода постоянно перегревался, несмотря на то, что в полной мере снабжался высококонцентрированной охлаждающей жидкостью, которую в былые времена использовали в военной технике, эксплуатирующейся в экстремальных условиях знойной пустыни. Приходилось часто останавливаться, чтобы остудить транспорт в тени опустевших зданий или могучих лысых гор. По этой причине экспедиция отставала от графика. Они двигались даже медленнее, чем в прошлые годы. Родриго постоянно срывался на механиков, обвиняя их в непрофессионализме и называя дилетантами, а те лишь огрызались в ответ. Перебранка не давала положительного результата. Скорость оставалась по-прежнему низкой. Много времени ушло на исследование форпоста у пересохшего пролива Гибралтар, который был выстроен силами жителей Западной Пальмиры с целью защиты от всякой нечисти, пришедшей с материка, дабы поживиться богатством испанских земель. Это было первым местом, где искатели обнаружили следы борьбы. На стенах укреплений снаружи остались следы от пуль. Но, по мнению Родриго, это не являлось веским доказательством вступления в конфронтацию солдат форпоста с теми людьми в спещовке, которые, вероятно, связаны с исчезновением жителей соседних поселений. По одной из его версий, населению соседних общин повезло, ведь их забрал таинственный спасательный отряд. Участники экспедиции разделяли его мнение. Но среди искателей были и те, кто не согласен. Немало часов искатели потратили и на переезд через пересохший Гибралтар, чьи берега, как называли их в древности – Геркулесовы Столбы – можно было преодолеть лишь в редких местах, там, где не

подпираемые солеными водами огромные обрывистые скалистые массивы просто обрушились на иссушенное песчаное дно. На пересечение пролива ушло почти 20 часов. Но Солнце не собиралось ждать искателей, застрявших в донных раскисших от талого снега песках пересохшего Гибралтара. Оно уже уверенно возвышалось над утопающей в белой дымке родной Испанией, и не планировало на этом останавливаться, размеренно двигаясь на восток. И лишь спустя полтора месяца этой тягучей погони за рассветом, к концу марта, экспедиция, наконец, добралась до окрестностей Каира, или, как еще обозначалось в Пальмире это место – достигла «Точки Невозврата». Самые страшные опасения оправдались. Все города и провинции были безлюдны. Иногда они находили трупы убитых. Все указывало на то, что смерть их была мучительной: высохшие лица бедняг были искажены от боли. Страшно было представить, через что они прошли: какие страдания довели их до агонии. А на въезде в Каир вообще творился настоящий ад. За несколько километров до города показался вздымающийся к небесам редкий дым. По мере приближения к его источнику многие участники почувствовали омерзительный запах, от которого кишки выворачивало наизнанку. Даже скептически настроенному, упрямому испанцу пришлось изменить свое мнение, когда тот увидел, что основным продуктом горения и невыносимого смрада оказалась целая куча недогоревших человеческих тел. Возле них вертелись стаи голодных облезлых горбатых собак, чьи суставы скрипели, а шкура трескалась и кровоточила от изнурительной жары, бесконечных драк и усталости. Животные прибежали сюда не потому, что здесь покоились их хозяева, а потому, что здесь была еда. Они дрались и убивали друг друга за кусок человеческой плоти, не понимая, что пока хватит на всех. Жадность и голод сводили животных с ума, как и всеядный крик пугливых ворон над их головами.

Отогнав взрывпакетами пугливых животных прочь от тел, за дело принялся медик. Осмотрев трупы, пухленькая невысокая девушка тридцати двух лет по имени Эбигейл Галгут – пришла к Родриго с отчетом:

–Как и в остальных поселениях, люди были убиты посредством насилия. После того были сожжены, и тела их тлеют уже несколько дней, – с сухой астматической одышкой, меланхолично пробормотала она.

–Как это случилось? – зажмурившись, спросил Родриго, потирая от напряжения переносицу.

–Некоторые из замученных жертв были проколоты насквозь острыми предметами, словно копьями. У них, так же, как и у тех тел, на которые мы наткнулись в других городах, имеется клеймо на лбу, пропалившее кожу и отпечатавшееся на лобной кости черепа. На дверях еще много где были такие – круг с двумя линиями внутри. Как те, о которых мы впервые услышали от Портного и как его там... Манца... Манса...

–Ганса! – поправил Родриго. – Дальше?

–У других вывернуты конечности в обратную сторону. У третьих тела просто разорваны пополам, а кого-то, возможно, обманом заставили живьем пить что-то едкое, разбавленное водой или алкоголем. Это видно по отверстиям, выходящим из пищевода, желудка и брюшной полости. В целом, по характеру ожогов напоминает соляную кислоту.

–Какое зверство! – заключил, содрогнувшись, Родриго.

–Мммда... и не говорите, сеньор Родриго! – прокомментировала девушка. На самом деле ей было наплевать. Она казалась до того равнодушным человеком, что даже порозовевшие от жары щеки так ни разу и не дрогнули, пока она топталась среди трупов, подготавливая отчет. Зато специалистом она была отменным. И, пожалуй, единственное, чего по-настоящему страстно желала эта снулая женщина, так это переспать с главой экспедиции. На празднике Нового Утра она даже подумывала напоить Родриго и накачать его виагрой, чтобы потом утащить к себе домой, привязать к кровати и оседлать, словно неотесанного мужлана, наказывая и наказывая парня за красоту, грубость и равнодушие. Но этого не случилось, поскольку «Рядом

с ним всегда эта вертихвостка Скаврон!» – жаловалась подругам неудовлетворенная страдалица Эбигейл Галгут. «Тощая конопатая курица! На масло и с хлебом... на масло и с хлебом!» – повторяла она, подразумевая, что таких, как Зоя, толком и желать-то не за что! Разве что как дополнение к чему-то другому, но ни в коем случае ни как отдельный объект вожделения. А подруги, похрюкивая, смеялись: Эбби своими комментариями поднимала самооценку не только себе, но и делала увереннее таких же, как и она сама: сварливых да завистливых девиц.

2

Как и подобает, умерших людей участники экспедиции погребли в землю. Это все, что они могли для них сделать.

Ни одной зацепки, ни одного выжившего – ничего. Кто эти люди, способные на подобное безумие, было совершенно непонятно. Каир был большим, местами заселенным людьми городом, по крайней мере, еще в прошлом сезоне. И даже те убитые, которые были обнаружены на въезде – лишь малая часть жителей, проживающих на этой территории. Куда же они и те, кто населял другие города, могли подеваться? Ведь следов борьбы толком и не было... Обнаружены лишь места казни и покинутые дома с таинственным знаком на дверях. Было понятно только одно: никто не сопротивлялся. Видимо, это не имело смысла. Враг, вероятно, во много раз превосходил их в количестве. Людей просто согнали, как скот, и увели зачем-то прочь из дому. Это пугало и беспокоило участников экспедиции. Но других ответов пока не нашлось.

Экспедиция двигалась к центру города, к району Замалек, что находился на острове Гезира, отделенный теперь от остального мира лишь ослабшими течениями обмелевшего и обленившегося Нила. Этот некогда самый красивый и престижный район столицы Египта и был той самой заселенной областью Каира. По стечению обстоятельств Город Тысячи Минаретов стал одним из тех мегаполисов, которые сильно пострадали от землетрясений, что разорвали планету вплоть до полной остановки. Но по какой-то причине району Замалек удалось выстоять это стихийное бедствие. Лишь многоквартирные дома частично попали под разрушительный натиск, идущий из самих недр Земли. Остальные же здания остались целыми. Там же, на острове Гезира, находился и узел связи, расположившийся неподалеку от 187-метровой бетонной Каирской телебашни, напоминающей своим внешним видом прекрасный цветок лотоса. Башня тоже каким-то чудом выстояла после катастрофических событий, дав лишь небольшую трещину по округлой стене, как напоминание о том, что народ Египта не сломлен и он способен выстоять перед любыми испытаниями. Но отчего-то Замалек опустел. Причем, по словам Рауля Маноло, первым на связь не вышел именно Каир. Необходимо было связаться с Западной Пальмирой и доложить обстановку. Оставив транспорт за пределами обитаемого, огражденного характерным деревянным забором, района города, с расчетом на то, что им кто-то может повстречаться, искатели проследовали по опустевшему городу. Совсем недавно здесь теплилась жизнь. Было видно, что люди покидали место второпях: заполненные высохшими овощами торговые лотки, тележки с застоявшейся водой в прозрачных баклажках, которая для этих мест была ценным товаром и первым условием жизни, открытые настежь двери и ставни – все говорило о внезапно возникших неприятностях. Но тот, кто создал эти неприятности, не взял с собой никаких ценностей. Лишь увел за собой людей.

Над Замалеком возвышалась освещенная ярким Солнцем величественная телебашня. Тень от ее шпиля отбрасывалась далеко за его пределы, разделяя район надвое. Именно по этой башне и ориентировались искатели.

Подходя к белому двухэтажному зданию, где находился узел связи, один из бывших военных, входящих в состав «Искателей», опытный военный – лейтенант в бессрочной отставке

– Кастор Персакес резко остановился и шепотом приказал всем оставаться на своих местах, позади него. Люди замерли в недоумении.

–В чем дело?– прошептал приблизившийся к нему Родриго.

–Видишь вот ту клетку с курицами через дорогу? – указал пальцем тот.

–Ну?

–Они еще живы.

–И что? – не понял намек Родриго.

–Их кормушки полны, и вода свежая, – лейтенант Персакес наклонился и сказал, что за время, пока здесь отсутствовали люди, птицы давно бы погибли, но все это время за ними кто-то ухаживал. Еще он добавил, что однажды наблюдательность помогла ему спасти жизнь целого взвода, который чуть не попал в засаду в небольшом поселении. Поселение тоже считалось покинутым, но на самом деле в том месте оказались вражеские склады с боеприпасами, которые охраняли три дюжины вооруженных до зубов террористов.

–Поэтому вы в составе «Искателей...», – почтительно похлопал его по плечу испанец. – Какие наши дальнейшие действия?

–Чтобы не поднимать шума, все без исключения должны слушаться моих приказов. Я буду медленно продвигаться в направлении узла связи, по пути оценивая обстановку. Никто не высовывается из-за зданий, пока я не подам знак. И смотрите, пожалуйста, под ноги! Это может быть как западня, так и самооборона, но, в любом случае, если кто-то напорется на растяжку, это будет смертельно и для него, и для того, кто идет рядом. Будьте готовы к внезапности, возможно, за нами уже наблюдают. Все ясно?

–Эй, Персакес... – обратился Родриго к лейтенанту. – С Богом! – пожелал он.

Лейтенант благодарно кивнул, осторожно выглянул из-за угла и перебежал на противоположную сторону дороги. Еще раз изучив ситуацию в клетке с птицами, он удостоверился, что хозяин недавно сюда заглядывал... Его опасения подтвердились. Заглянув в дверь недавно брошенного небольшого деревянного здания, расположенного рядом с курятником, он никого не обнаружил. Зайдя внутрь, лейтенант преодолел комнату и вылез из открытого окна, оказавшись между домами. Лишь после этого он подал знак, и все по очереди последовали за ним. Таким вот образом, осторожно следуя по закоулкам, они добрались до узла связи. Всего два дома оставалось до белого двухэтажного здания с бледной выцветшей надписью «VFM». Раньше в этом здании располагалась местная известная радиостанция «VinylFM». Более удобного и подходящего места для создания узла связи в пределах острова Гезира не было.

–Тсс! – приказал лейтенант. Из открытых ставен на втором этаже доносились какие-то звуки. На записи звучал голос мужчины. Издалека сложно было определить, на каком языке он исполнял свою залиvistую песню... то ли на арабском, то ли еще на каком-то. Разумно было предположить, что людям просто было не до выключения музыки, когда они покидали город. И она звучала бы, пока в генераторе не кончится топливо. – Это не совпадение! – уверил остальных Кастор Персакес.

–Ты думаешь, там все-таки кто-то есть? – переспросил не отстающий от него Родриго.

–Однозначно! И либо он нас намеренно сбивает с толку, либо не имеет представления о нашем присутствии. Будем надеяться, что второй вариант. Нам не стоит входить туда вместе. Если это засада, то пусть попадет один или, максимум, двое... Но у остальных, возможно, еще будет шанс убраться отсюда живыми.

–Я иду с тобой! – вклинулся Родриго, не дожидаясь, пока дело дойдет до жребия.

–Решено! – улыбнувшись, ответил лейтенант, вытянул из-за пояса пистолет и дал его отважному парню, которого считали настоящим лидером, настоящим мужчиной – тем, кто способен не обременять выбором своих подопечных. Лейтенант был рад, что это именно он. Он доверял молодому и сильному испанцу. Иначе вообще не пошел бы за ним с «Искателями...».

–А как же ты? – удивленно спросил Родриго, неуверенно взяв пистолет в руки.

Персакес вытащил из пристегнутых к ремню кожаных ножен военный смоляной нож, вложил рукоять в зубы, и, ничего не сказав, пригнувшись, побежал вдоль стен по направлению к зданию, из которого доносилась музыка.

– Подожди! – не успел договорить испанец и рванул за ним. Остальные остались ждать снаружи.

Они вошли внутрь. На первом этаже никого не было, лишь негромко порывкивал разогретый генератор. Пахло бензином и мелом. Лейтенант первый поднялся по лестнице. Не успев осмотреть второй этаж, он резко наклонился обратно.

– Что там? – еле слышно поинтересовался Родриго. Из-за играющей музыки их бы все равно никто не услышал.

– Спит... – ответил он, вытащив из зубов нож, и крепко схватив его в правую руку лезвием внутрь. – Пистолет не понадобится, я все сделаю сам.

У испанца мурашки пробежали по спине.

Персакес рванул на второй этаж так резво, что Родриго толком и понять не успел, какого черта тут творится! Выставив перед собой пистолет, испанец побежал вслед за ним. Поднявшись, он увидел стоящего на коленях невинно улыбающегося молодого смуглого парнишку. Кастор удерживал его за шею, приложив лезвие ножа к сонной артерии.

Подойдя к радиорубке, Родриго сделал музыку тише и поинтересовался, чему тот так радуется.

– Я ждал вас, господин, вот и радуюсь! – сквозь хохот ответил парень.

– Отвечай нормально! – пригрозил лейтенант, надавив на лезвие сильнее. У того от физического напряжения взмок лоб, ему жутко не хватало кислорода. Но он все равно оставался спокоен.

– Как тебя зовут? – спросил Родриго. – И кто ты такой?

– Я Ди-Дже-е-ей! – протянул он и снова расхохотался.

– Ди-джей? – переспросил лейтенант. – И кому же ты играешь, ди-джей?

– Я играю небу... играю Солнцу... и птицам, сидящим в клетке! – заливаясь смехом после каждой фразы, говорил странный парнишка. Его голова, выбритая под ноль, вся была в жутких царапинах. Местами порезы были заклеены лейкопластырем, а местами расчесаны ногтями до шелушения. Вероятно, «стрижку» он себе делал сам. – ... играю для тебя... – взглянув на Родриго, продолжил он, а затем поднял глаза к лейтенанту и добавил: – ... и для тебя, мое золотце!

Кастор Персакес не выдержал и ударил его по затылку рукоятью ножа. Парнишка потерял сознание.

– Зачем ты это сделал? – закричал Родриго Видэл, посчитав, что тот убил парня.

– Не переживай, через пару часов оклемается. Он под кайфом, ты бы все равно ничего не узнал.

3

Как и говорил Кастор Персакес, через несколько часов парень пришел в себя. Все собрались в рубке, чтобы выслушать рассказ этого ди-джея-одиночки. Руки его были связаны – никто не знал, чего можно от него ожидать. Парень смирно лежал на диване.

Эбигейл сделала прохладный уксусный компресс, приложила к вспотевшему лбу незнакомца и подсунула под нос ватку, пропитанную нашатырем.

– Тьфу! Убери от меня эту гадость! – не успев толком разодрать глаза, закричал парень. Его легкие воспылали от едких паров спирта.

Эбигейл от неожиданности чуть с ног не повалилась.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Родриго, подойдя к парню поближе.

–Вы кто, мать вашу, такие? И почему у меня болит голова? – зажмурившись от боли, взвыл он. – Какого черта мои руки связаны?

–О! Уже не такой любезный, – обратил внимание лейтенант.

–Почему я связан? Кто вы? – продолжал засыпать вопросами тот. Но, так и не дождав-шись ответа, успокоился и обиженно попросил воды. Эбигейл напоила его водой, и Родриго тут же продолжил беседу.

–Ладно! Хватит уже любезностей! Сначала ответь, кто ТЫ такой, а затем, МЫ, возможно, расскажем, кто... и откуда пришли.

–Но я не знаю, кто я такой... – очень правдоподобно протянул парень, глядя на испанца. Он смотрел на него словно ребенок, потерявшийся на вокзале. Галгут даже шмыгнула носом. Казалось, что ситуация растрогала женщину, но причиной тому была меловая пыль, на которую у нее была аллергия.

–Как не знаешь? – недоверчиво спросил лейтенант. – Если ты затеял какую-то игру, то предлагаю закончить ее прямо сейчас. Ты уже в курсе, что я не люблю шутников! – пригрозил он.

–Какие еще шутки? Я правда ничего не помню, кроме песен своего любимого исполни-теля, которого зовут Навин Тагор. Я могу слушать его голос вечно.

–Вполне возможно, – вставила Эбигейл, – что это посттравматический синдром. Он может не помнить произошедшего. Через некоторое время память восстановится, а вот частично или полностью, никому не известно.

–Нееет! – остановил ее парень. – Вы не поняли! Я помню, как сюда ворвался этот «доб-рый» человек с ножом, а вслед за ним примчался вот тот красавчик-брюнет, – указал он кив-ком на Родриго. – Я помню, как сам здесь оказался, откуда и зачем пришел, но не помню своего имени. То есть я его как бы и не забыл, но оно мне просто больше не нужно. А это, выходит, то же самое, что и забыл.

–Хорош кривляться, мальчик! – вышел из себя лейтенант.

–Постой! – остановил его Родриго.

–Попомни мои слова, Родриго, здесь что-то нечисто! – предупредил лейтенант и вышел на балкон, чтобы затянуться корри и немного остыть.

–Мы этого не узнаем, летеха, если ты так и будешь его перебивать! – крикнул ему вслед испанец. – Ну, рассказывай, откуда ты пришел и где народ, который здесь обитал? – присев рядом, спросил он.

–Я пришел с востока, – сказал тот, после чего народ сразу же оживился и стал переглядыв-ваться. – Нас там много. И жизнь кипит, – с воодушевлением рассказывал парень, задумчиво глядя в потолок. – Но сюда мы пришли в поисках людей, – переключился он на Родриго. – Мы хотели позвать их с собой. У небольших поселений нет шансов выжить в этом мире. Мы пытались им это объяснить. Но местные жители почему-то встретили нас враждебно. Началась потасовка, затем она переросла в перестрелку, в итоге были жертвы. Но мы просто защища-лись! И в братской могиле все усопшие должны вознестись к небесам вместе с огнем и дымом, – с серьезной миной рассуждал он. – Нет больше грешников на этой планете, остались только те души, которые оказались самыми терпеливыми.

–Что ты заливаешь! – выкрикнул с балкона лейтенант. – Тьфу!

–Я говорю правду!

–Но почему жители встретили вас враждебно? Видимо, у них были на то причины? – уточнил Родриго.

–В том-то и дело, что видимых причин не было. Они не поверили, что мы бескорыстны и предлагаем им попытаться хоть что-то сделать для выживания, вместе, а не просто сидеть в кресле и ждать смерти. Вы сами видели, что те, кто ушел с нами, те благоразумные люди не взяли с собой ни-че-го! – слушающие искатели одобрительно закивали. – У нас есть все,

что нужно для выживания в этих условиях: одежда, жилье, еда, вода, алкоголь и работа, много работы, по которой все так соскучились. Мой народ считает, что проблема человечества в том, что большинство не считает себя причастным к великому делу. Но мы можем доказать обратное. У нас есть работа – она и делает нас счастливыми. Вам просто некогда будет сидеть и копаться в собственных мыслях. Как раньше. Люди обленились, и все, чем занимаются – так это жалеют себя. Нельзя этого делать! – уверял он. – Даже в этом новом мире нужно попытаться найти себя. Ступив на свою тропу, ты уже не захочешь жить иначе. Как говорит мастер Масуд, мы все идем своими «Тропами Кориолиса».

–Тропами чего? – расхохотался лейтенант. – Чертовы сектанты!

–Тропами, по которым ведут нас силы судьбы и предназначения.

–Я знаю только одну силу, которую может обеспечить твой Кориолис – силу отклонения пули по отношению к твоему виску, – сказал лейтенант.

–Вообще-то не силу, а направление отклонения! – исправил его связанный парень. – Нельзя путать Силу с Направлением. Это разные вещи! Но мой народ считает их взаимодополняющими.

–Хорошо! Ты так много сказал о своем народе и вашей философии, но так и не сказал, откуда вы все же пришли. Это тайна? – спросил заинтересовавшийся рассказом парнишки Родриго Видэл.

–Нееет! Вообще нет! У вас есть карта?

–Конечно! Вот, держи! – испанец вытащил из сумки, накинутой через плечо, свернутую карту.

Парень молча, с намеком, указал на веревку, связывающую руки. Испанец посмотрел на лейтенанта, как бы интересуясь его мнением, но тот сказал, что бремя выбора теперь лежит только на нем, равно как и его последствия. И перед тем, как перерезать веревку, Родриго задал парню еще один вопрос:

–Но почему ты не ушел со своими людьми?

–Я же сказал, что хотел сыграть небу... и Солнцу... и птицам, что сидят в клетке.

Здесь уже лейтенант не выдержал:

–Ты погляди, он еще насмехается! Честное слово, я сейчас замочу этого мелкого урода! – закричал он. Всем нутром бывший военный чувствовал, что здесь что-то не так. И его бесило то, что этого, кроме него, больше никто не замечает.

Кастор Персакес схватил парня за горло так, что тот захрипел. Он не собирался его пугать, он хотел его убить, как тех террористов в деревне, которая считалась заброшенной. Но Родриго удалось вырвать связанного парнишку из лап крепкого вояки.

–Прекрати! И это последнее предупреждение! – пригрозил он лейтенанту.

–Дело твое, парень! – брезгливо оттолкнул от себя Ди-Джей лейтенант. – Но когда мы все окажемся в беде, лучше не подходи ко мне за советом, ясно?! Это тоже было моим последним предупреждением!

Лейтенант отчасти разочаровался легкомысленному поведению Родриго, но в глубине души рассчитывал на то, что испанец знает, что делает, а в нем лишь говорит боль от старых, еще кровоточащих душевных ран.

4

Родриго чикнул ножом по веревке и, разложив карту на светлом столе, где стоял микрофон радиорубки, дал парню жирный зеленый маркер. Ди-Джей принялся чертить путь, который испанец в глубине души уже был готов преодолеть, надеясь, что это и есть именно тот могущественный восток, о котором рассказывал заблудший в Западную Пальмиру странник Ичиро. Задумавшись о сказанных парнишкой словах, он искренне поверил в то, что это путе-

шествие и есть его «Тропы Кориолиса» – закручивающиеся, вертящиеся, запутанные в узлы нити судьбы: хождение по кругу, лабиринт из спирали – куда затягивает душу, не способную найти покоя. В душе Родриго в этот момент что-то изменилось навсегда.

Поверив в очередной раз безумцу, искатели практически единогласно решили отправиться на восток. И в знак единогласия все вышли на улицу и отцепили от вездехода прицеп с огромным барабаном кабеля связи, другими электроматериалами и сопутствующими ремонтно-монтажными инструментами.

И перед тем, как окончательно покинуть Каир, Родриго все же отважился записать голосовое сообщение отцу.

«Вот мы и достигли «Точки Невозврата». Но теперь я ее таковой не считаю! С недавних пор она стала, скорее, «Точкой Отсчета». Ни один шаг «Искателей» не был сделан зря. А все потому, что здесь мы повстречали одного человека. Он поведал нам историю, которая во многом объясняет исчезновение людей. Их не похитили, заковав в кандалы, а пригласили к себе, чтобы вместе вершить благое дело. Я пока что не стану ручаться за трёп парня, который даже своего имени не назвал, но в его словах было что-то такое, что сложно объяснить: то, о чем он говорил, как он говорил, ... его взгляд сделал это за него. Заставил меня поверить! И да, он говорил про восток. Про тот ли восток, о котором нам поведал мастер Ичиро, я не знаю, но уверен, что нам обязательно стоит туда заглянуть. Эти люди вовсе не убийцы и не захватчики, о которых дрожащим голосом рассказывали Ганс и Портной. Они пришли с миром. Я вообще не верю этим двум... они, похоже, просто хотели привлечь к себе внимание, а сила совпадения уже сделала свое дело. Да и вообще, вождь... отец, ты ведь сам говорил, надо «Идти и искать!» И мы следовали твоим словам. Теперь я и сам понимаю: в поисках смысл моих «Троп Кориолиса». Ха! Уверен, ты сейчас в недоумении, и думаешь, что я спятил или выкурил слишком много корри. Нет! Чужестранец поведал нам об этих самых тропах. Забавный и странный парень на самом-то деле. Пока ничего конкретного не могу сказать об этих тропах, но я обязательно выясню, и тогда расскажу тебе, Сантьяго и всем жителям Западной Пальмиры. Я чувствую, что должен туда пойти! Меня словно магнитом тянет в ту сторону. И я это сделаю. До дрожи пробирает, как представляю это путешествие. Другие участники экспедиции тоже в предвкушении забега. Да, мы рискуем, но оно того стоит. Не просто же так жители поселений покинули свои дома, побросав вещи на месте?! Мы должны это выяснить, ради всех нас. Ведь мы все-таки «Искатели Света Пальмиры»! Меня переполняют эмоции... Эх! Ну ладно, похоже, следующее сообщение я запишу теперь нескоро. Но ничего, не переживай, и передай родственникам искателей, чтобы тоже не переживали. И вообще, мы планируем вернуться к закату, но если этого не случится, я тебя очень прошу, не нужно нас искать. Если вдруг так произойдет, просто не суйтесь на восток: значит, там ловить нечего, даже пауков. Так Билли Тобину и передай! Ха! Еще прошу тебя: позаботься о младшем, отец. Ты ему нужен. И да... я тебя прощаю. Не знаю, почему я это говорю, но, чувствую, что мы можем больше никогда не увидеться. Будь ты рядом, я бы сказал эти слова тебе в лицо и извинился за годы мучений, которые обеспечивал тебе своей надменностью и глупостью. Я люблю тебя, хотя ты это и так знаешь, но теперь говорю это вслух, чтобы ты больше никогда в этом не сомневался. Обними за меня братишку. А нам пора в путь. Итак, 28 марта 2039 года «Искатели» покидают столицу Египта и выдвигаются на восток. Пожелайте нам удачи! Она всегда кстати. Надеюсь, отец, мы еще увидимся!»

ЧАСТЬ

2. В ПОДВОРОТНЯХ ТЕМНОЙ НОЧИ

*Как невьносима долгая ночь,
когда тебя рядом нет*

Глава 1

1

На пристани было тихо. Кроме парочки загоревших рыбаков никого больше не было. Ни стопа причаливших кораблей, ни крика морских птиц, ни перебранки уставших раздраженных моряков больше не слышно. Теперь роскошь жизни былых времен доступна лишь людям с богатым воображением. В мире, где сутки длятся целый год, по последним принципам летоисчисления день для жителей Западной Пальмиры подходил к своему завершению, но еще довольно играючи выжигал шрамы на спинах выживших. Засыпающее вечернее нежно-желтое Солнце, словно капризный младенец, нехотя спускалось под рубцеватое покрывало горизонта на востоке. Это было 3 июля 2039 года.

Тишина завораживала. И в этом безмолвии открытых просторов покинутой пристани одному все же удавалось видеть нечто большее, чем просто опустевший порт Западной Пальмиры. Это был Портной. Пристань была для него тем местом, где однажды он в последний раз попрощался с человеком, которого любил. Парень приходил сюда в свободное от работы время, захватив с собой бутылочку крепкого алкоголя, самокрутку, заправленную ароматной корри и своего верного друга – пса по кличке Рыжий. Многие считали его призраком, блуждающим по припортовым горизонтам, но никто даже и не догадывался, что для него здесь, в этих местах, пустота внутри наполняется воспоминаниями, и он вновь становится человеком, который влюблен в Викторию, девушку, спасающую его от бесконечных скитаний еще до катастрофы. Она помогла ему перевоплотиться из жалкого сироты в человека, которого любят, уважают, который кому-то нужен. Портной всю жизнь скитался в поисках еды, воды, тепла и добра, и выживание в новом мире для него не стало бы большей проблемой, если б была хоть малейшая надежда на то, что Виктория жива. Она отправилась в «Сток» всего несколькими рейсами раньше Портного. И волею судьбы оказалась погребенной под обломками огромного купола, разрушенного землетрясением, постигшим дно Карибского моря. «У меня для тебя сюрприз, – сладко поцеловав на прощание Портного, сказала ему перед самым отплытием Виктория. – Обещаю, я буду ждать тебя там, у самого входа, и когда ты прибудешь, я обо всем тебе расскажу, – добавила девушка и забралась по мостику на палубу корабля, своим оглушительным гудком возвещающего завершение посадки пассажиров».

– За тебя, любимая! – поднял вверх бутылку изрядно подвыпивший Портной, закинув назад свои длинные темно-русые волосы. Порядком поднабравшись, он частенько разговаривал с Викторией. Скорбь и безумие. Это было печальное и жалкое зрелище. Но оно мало кого удивляло, да и беспокоило тоже редко кого. Теперь каждый второй стал безумцем. Теперь это норма.

– С кем это ты разговариваешь? – поинтересовался подкравшийся сзади Ганс, присев на корточки.

– Чего тебе? Как ты меня нашел? – удивился Портной, икая от обезвоживания.

Ланге критикующе помотал головой.

– Поверь, это было несложно! Собирайся, нам нужно идти! – без церемоний поторопил он.

– Что тебе нужно? Отстань от меня, подлец! – протестовал Портной, вырываясь из рук друга, который пытался его поднять.

– Давай-давай, поднимайся! Тебя вождь вызывает.

– Хватит меня разыгрывать! Зачем я понадобился старику?! На! – протянул бутылку Портной. – Лучше выпей со мной, братишка.

Ганс не стал дожидаться понимания с его стороны, а просто схватил под руку и потащил к фонтану Восьми Грифонов 18 века, где тот смог бы освежиться и немного протрезветь перед встречей с вождем. Фонтан, как и порт, находился за пределами района Сьюдад, в новом Меркадильо, который Рауль Маноло приказал на время закрыть с расчетом на то, что искатели быстро выяснят истинные причины молчания радиорубки и степень потенциальной угрозы от головорезов. Но время растянулось до бесконечности. И когда люди начали задавать вопросы, Меркадильо был снова открыт. В том, некогда самом молодом районе Ронды, переименованной теперь в Западную Пальмиру, находились сараи, большое количество помещений, оборудованных под различные мелкие производственные цеха, так как Сьюдад считался спальным районом, несколько облюбованных молодежью баров, и, конечно же, фонтан Восьми Грифонов со студеной вкусной свежей водой.

На удивление всем, фонтан все еще действовал, даже холодной ночью. Место было очень людным. Здесь собирался весь город, чтобы пополнить запасы воды, встретиться с соседями и просто поболтать после долгой рабочей смены. У каждого жителя в городе было свое занятие. Никто не сидел без дела. И это было не просто прихотью, а, скорее, даже необходимостью. Некоторых приходилось принуждать взять себя в руки и начать что-то делать. Лентяи существовали во все времена, но бездельником в новом мире считался тот, кто вовсе отбирает последний кусок хлеба у ребенка. Каждый делал то, что умел, а кто не успел в свое время обучиться какому-либо ремеслу, становился подмастерьем или разнорабочим. Но никто не сидел без дела, никто! Даже худенькие дети пытались помочь, чем могли. Они кормили животных, меняли им воду на свежую, чистили сараи и собирали урожай. Это было уютное и теплое местечко – старая Ронда – новая Западная Пальмира, где люди жили дружно и старались беречь друг друга. Но в последнее время народ все чаще поддавался волнениям и провокациям. И любой болтун мог спровоцировать скандал или серию протестов против деятельности представителей власти. Это уже не имело никакого смысла, и было, скорее, пережитками павшей цивилизации, но старшее поколение привыкло таким образом решать проблемы, и им сложно было доказать, что своим недовольством они не исключают самой проблемы, а лишь усугубляют ситуацию и отвлекают от процесса ее решения. Одной из самых обсуждаемых тем последнего времени стала задержка отчетов о движении экспедиции «Искателей Света Пальмиры». Раньше Рауль Маноло каждую неделю собирал народ на площади у церкви Святой Марии и рассказывал о том, где сейчас находится экспедиция, какие поселения обнаружили и кого встретили по пути. Но в последнее время, когда вставал вопрос об экспедиции, вождю приходилось тактично менять тему, врать или просто молчать. Конечно же, народу это было не по душе. И каждый раз Рауль, как человек верующий, брал на себя грех, но шел на все новые хитрости, дабы люди не волновались и жили спокойно. Некоторые приближенные вождя не разделяли его молчания и лжи. Маурицио Каррера был первым из них, и грозился самостоятельно все рассказать народу, если у того не хватит смелости. Но дело имело более деликатные причины, нежели банальная трусость. Рауль это понимал, а Маурицио нет. Именно поэтому вождем был именно он, а не Маурицио Каррера.

Добравшись до фонтана Восьми Грифонов, Ганс, не задумываясь, опустил голову Портного под струю свежей воды. Тот поначалу даже не сопротивлялся. Но студеной вода сделала свое дело.

– Все-все-все! Дальше я сам! – отгалкивая Ганса, сердито предупредил Портной. – Брр! – отдернулся парень, словно ошпаренный.

– Сколько раз этот фонтан тебя выручал? – с иронией прокомментировал Ланге.

Портной лишь одобрительно покачал головой.

– Слушай, дружище, я знаю, ты сейчас снова начнешь меня ругать, но не пора ли тебе остепениться и как-то жить дальше? – жалея друга, продолжил Ганс.

Портной сидел на каменном «корытце» фонтана, и, зачерпывая ладонью воду, неспешно приглаживал свои длинные, мокрые, немного волнистые темно-русые волосы, от усталости опустив голову вниз.

Посмотрев в добрые, слегка наивные серо-голубые глаза Ганса, наполненные жалостью и тревогой, он лишь легонько улыбнулся в ответ. Портной знал, что если сейчас ответит ему, то начнется настоящее промывание мозгов. «Ты же еще так молод, чтобы давать советы!» – подумал Портной, глядя на товарища. Его немного раздражало то, что мальчишка, еще не изведавший на вкус настоящей любви, рассыпается в советах перед человеком, чье сердце к каким-то двадцати девяти годам оказалось уже давно разбитым. С одной стороны его это раздражало, а с другой ему было жаль Ганса, ведь в новом мире найти себе пару стало во много крат сложнее. Да и, плюс ко всему, угораздило же этому парню влюбиться в одну из самых красивых девушек Западной Пальмиры – Зою Скаврон. Она была ему не ровня, но Портной все равно поддерживал своего юного товарища, пытаясь сделать из него человека, который не испугается трудностей и постарается добиться её расположения. Он пытался сделать из него человека, коим никогда не был сам. Сам он был сиротой, еще в том мире, где сутки по старинке длились двадцать четыре часа... и теперь Ганс Ланге стал для него семьей – той семьей, о которой он мечтал всю свою никчемную жизнь. Когда еще в детстве ночами он мучился от холода и голода, единственной, согревающей душу мальчишки, была мысль о том, что где-то бьется сердце его ласковой матери, звучит бас мудрого отца, а по комнате бегают сестренка с веселыми косичками и вредничает озорной братишка. И ему было неважно, что сейчас они далеко. Важно было то, что они живы и скучают по нему. Он даже представлял встречу с этими вымышленными персонажами его детского воображения, кровоточащего нехваткой заботы и любви тех людей, которыми на самом деле были пара наркоманов, не способных прокормить и воспитать ребенка. Они сначала попытались продать малыша, чтобы купить впоследствии дозу, но ничего из этого не вышло, и тогда они подбросили младенца в приют. Это была зимняя январская ночь, и выйди няня на улицу, чтобы покурить, чуть позже, и не услышь она утасующий крик страдающего от холода младенца, мальчик так и замерз бы.

– Молчишь? Ну и ладно! – обиделся было Ганс.

– Да перестань! Просто, друг мой, не все так просто, как тебе кажется, – философски заключил Портной.

– Конечно, я же ребенок. Ты ведь считаешь меня ребенком, ведь так? – фыркнул тот.

Портной сдвинул брови и утомленно выдохнул.

– Чего ты заладил! Не считаю я тебя ребенком, просто у каждого своя судьба. И есть некоторые вещи, в которые остальным лучше не лезть.

Ганс Ланге был далеко не глуп и видел, как страдает его друг, потерявший любимого человека. Он понимал, что с этим бременем Портному придется справиться самому. Он очень хотел помочь, но каждый раз из этого ничего путного не выходило. Ганс вообще любил совать свой нос туда, куда не следовало бы, и поэтому тот самый нос часто бывал сломан.

– Просто ты мог бы стать счастливым. Ты должен хотя бы попытаться. Все мы кого-то потеряли из-за катастрофы. Абсолютно все!.. немой ванн Штольц тем летом брата хоронил, старушка Габи: дочь... и внука, у миссис Кэрролл ночью мужа след простыл, а юные Иван и Петр в один лишь день стали сиротками...

– Хорошо-хорошо, я постараюсь! – ответил Портной, лишь бы тот от него отвязался.

– Вот и славно! – обрадовался наивный юный Ганс. И даже Рыжий залаял в ответ, будто поддерживая его.

Портной, улыбнувшись, в ответ лишь покачал головой, глядя на эту несуразную картину.

– Что ты там говорил про вождя? – немного протрезвев, поинтересовался он.

– Я еще сам толком не понял, но это очень важно! – ответил Ганс.

«Что могло ему понадобиться?» – подумал Портной, вытирая лицо о майку, поднялся, и они вместе с Гансом и Рыжим направились в городскую ратушу.

2

В двери послышался стук. Рауль Маноло ждал гостей.

–Проходите-проходите, пожалуйста! – пригласил он вошедших парней. В ратуше рядом с вождем как всегда были его заместители. Но в этот раз здесь присутствовал еще один человек – его младший сын Сантьяго. Проводив гостей к столу, Рауль предложил им выпить. Портной собрался согласиться, но Ганс вмешался в разговор и попросил вместо алкоголя налить им горячего чаю, если таковой имеется. Ему не хотелось, чтобы его друга посчитали жалким пьянчужкой. Портной не стал сильно сопротивляться.

Вождь интересовался, как идут дела у друзей и о чем сейчас вообще толкует народ. Но было очевидно, что это лишь прелюдия.

–Вы ведь не просто так нас сюда пригласили, ведь так? – перешел к делу Портной.

–Да!.. да.., – задумался на мгновенье Рауль Маноло, опустив глаза и нервно постукивая по столу указательным пальцем.

–Говори уже, отец, нет времени на раздумья! – вставил нетерпеливый Сантьяго Рауль Видэл.

–Погоди, сынок! Дай собраться с мыслями, – ему тяжело было говорить. – Вам, полагаю, известно, что утром от нашего поселения отправилась экспедиция под предводительством моего сына Родриго. По одной простой причине связи с ними мы не имеем – нет специальной техники, благодаря которой мы могли бы управлять спутником. Ни у кого теперь нет этой техники. – Ганс, имеющий представление о подобных вещах, одобрительно кивнул. – Дальняя точка, с которой мы наладили коммуникации, – продолжил Рауль Маноло, – находится в Каире. И мы знаем, что около двух месяцев назад они должны были достигнуть столицы Египта и выйти на связь. Но никто на связь не вышел. В прошлые разы такого не случалось. И Родриго, и другие участники прекрасно понимают, что существует точка невозврата. Если они не уложатся в срок и не повернут вовремя обратно, им грозит неминуемая гибель в суровых условиях ночи. И даже если они найдут себе временное убежище, у них попросту не хватит провианта, чтобы существовать длительное время. И экономия здесь не поможет. Заготовить запасы тоже вряд ли успеют, далеко не везде земли настолько богаты, как здесь.

–К чему вы клоните, вождь? – уточнил Портной.

–Кажется, я знаю, к чему! – снова влез Ланге. – Мы отправляемся на их поиски?! – с ликованием предположил наивный чудак.

Рауль Маноло опустил голову. Играющие желваки выдавали его глубокие переживания.

–Ганс прав?

–Да, прав! – ответил за отца Сантьяго. – И если не согласитесь вы, я пойду один!

–Сейчас же прекрати, Сантьяго! Эти ребята ничем не обязаны ни нашей семье, ни тем людям, чьи родственники ушли с Родриго! Нельзя ставить человека перед фактом. Ты ничему не учишься!

–Прости, отец!

–Ганс прав... – недоговорил Рауль Маноло. – Простите, пожалуйста, моего сына за нетерпение.

–Но почему вы просите именно нас? – поинтересовался перевозбужденный Ланге.

–Не вас... Тебя, – вождь пристально взглянул на Портного. – Я знаю о твоём прошлом. И о твоём горе...

–Причем здесь это? Вы ничего обо мне не знаете, не хитрите!

–Ты – сирота. После средней школы тебя поставили перед выбором: либо обучение швейному ремеслу, либо армия. Ты выбрал первое. Портной – это твое прозвище, которое ты придумал себе сам. Вероятно, для того, чтобы похоронить того человека, который скрывается за ним. Ты повстречал девушку, которую звали ...

–Довольно! – ответил Портной. – Мое прошлое вас не касается! Разговор окончен! Я ухожу! – нервно поднявшись со стула, сказал он.

–Пожалуйста, постой! Ну, кого еще я попрошу... Кто еще сумеет выжить там, где ничего нет? Жизнь с детства тебя к этому готовила. Ты не будешь рисковать без надобности. А большинство живущих здесь даже представления не имеют о том, что делать, если закончилась питьевая вода, и как быть, если дневной паек не успокаивает аппетит.

–Но зачем мне спасать вашего сына? Если вы не знали, я скажу – он редкий кретин!

–Это не так. Мой мальчик, может, местами и резковат, но в глубине души он неплохой человек. Просто он запутался. После смерти матери... он во всем винит меня... – сказал старик и тяжело прикрыл глаза рукой.

–Перестань, отец, не мучай себя. Ты ни в чем не виноват, – обняв отца, сказал Сантьяго. – Родриго просто дурак!

Портной остановился. Совесть не позволила ему уйти.

–Для тебя это может стать возможностью заявить о себе! – добавил Маурицио.

–Что?! – скривился Рауль Маноло. – Что за ерунду ты несешь, Каррера! – повысил он голос на своего зама.

–Ну, вот опять! Ты никогда меня не поддерживаешь, Рауль, – нервно почесывая свою аккуратно выбритую бородку, обиженно ответил тот.

–Дело не в поддержке! Твое заявление неуместно, поэтому я и сделал замечание.

Тут в заместителе проснулась гордыня:

–И отчего же оно неуместно?

–Что значит твоя фраза «заявить о себе»?! Я не прошу его этого делать. Я прошу человека попытаться спасти моего сына и тех людей, которых он ведет за собой. Это не шоу талантов и ни о чем заявлять здесь не нужно!

Каррера оскалился и поднял удивленно брови.

–Ты выставляешь меня каким-то бездушным существом! А я лишь намекнул парню на то, что по возвращении ему больше не придется штопать одежду, и он сможет заняться действительно достойным делом.

Рауль Маноло и вовсе опешил от этого выпада. «И подобное заявляет мой первый зам?!» – подумав про себя, разочарованно прикрыл он глаза и принялся массировать переносицу.

–Вот как?! То есть ты не считаешь его работу достойным делом? – теперь уже яростно вступился он за Портного.

–Он мог бы войти в совет и решать вопросы городского масштаба. Это более ответственная и важная работа, – намекая вождю на то, что с их стороны это лишь хитрый ход, подмигнув, сказал Маурицио Каррера.

Вождю изначально не понравилась эта идея. Он был категорически против такого подхода.

–А знаешь... – обманчиво завернул вождь. – Вообще-то я с тобой НЕ согласен! Лично я считаю, что именно такие мастера, как Портной и Ганс Ланге, решающие бытовые проблемы да работающие над развитием коммуникаций между поселениями, и имеют настоящую ценность, а вот насчет тебя я уже что-то не уверен... ты только и делаешь, что заявляешь о себе! Не надоело, Маурицио?

–Я больше не намерен терпеть унижения в свой адрес! – темпераментно заявил заместитель. – Все, я ухожу!

Рауль Маноло ничего не ответил. Лишь, прикусив нижнюю губу, с огорчением отвернулся в сторону. Ему было невозможно противно и дико стыдно за такое лицемерие со стороны своего подчиненного.

–Стойте! – остановил уходящего Маурицио Портной. – Хорошо! – спустя мгновение заключил он.

–То есть ты согласен? – воодушевился вскочивший со стула вождь.

–Да, я согласен.

–Да! Мы пойдем и спасем их! – обрадовался Ланге.

–Ты никуда не идешь! – охладил его пыл Портной.

–Это еще почему?

Портной ничего ему не ответил, а снова обратился к вождю:

–У меня есть свои условия. Во-первых, я сам собираю команду, во-вторых, не даю никаких обещаний: вообще мало верю в успех этой кампании, в-третьих, вы должны пообещать, что присмотрите за Гансом и сделаете все, чтобы он остался в Западной Пальмире, ну, и, наконец, в-четвертых, если мы не вернемся в оговоренные сроки, не нужно отправлять повторных экспедиций. Ведь то, что повторяется дважды, обязательно повторится и в третий раз.

3

На этот раз отправка экспедиции держалась в строжайшей тайне. И в отличие от «Искателей Света Пальмиры» этих можно было окрестить скорее «Спасателями Света Пальмиры».

Портной лежал на кушетке, положив руку под голову, а его пес, Рыжий, устроился рядом.

"Что же мне делать, дружок? Что же делать?" – почесывая за ухом Рыжего, проговорил Портной. Только сейчас он ощутил всю ответственность за свое решение. Он ведь не хотел отсюда уходить. И не смерти он боялся, а того, что приключение захлестнет его с головой и он навсегда позабудет то, что так печально отпечаталось в памяти. Он привык страдать, но привык страдать именно здесь – в Западной Пальмире.

Ланге ворвался в комнату без предупреждения:

–И что это значит: "Вы должны пообещать, что присмотрите за Гансом?" – кривляясь, процитировал он Портного, – Почему это Ганс не может отправиться с тобой?

Портной поднялся с кровати и подошел к рукомойнику. Надавив снизу на поднимающийся клапан, он задумчиво набрал в ладони чистой воды, умыл ею лицо и, наконец придя в себя, сказал:

–Потому что не умеет держать язык за зубами!

–О чем это ты?

–Не стоило рассказывать о нас с Викторией вождю.

–С чего ты решил, будто это я?

–Больше никому! Разве что Рыжему, – спокойно ответил Портной. Он больше никому в Западной Пальмире не рассказывал о своей личной жизни: только этим двоим, и один из них – пес.

–Черт. Ну, прости! Зато благодаря мне ты теперь сможешь стать настоящей звездой в городе. Поздравляю! А как же я? Это несправедливо! – как-то беспомощно и растерянно огрызнулся Ганс Ланге.

–Ты... никуда... не идешь! – отчеканил Портной и вытер лицо полотенцем. Здесь не было места принципиальности, просто упрямому Ланге по-другому не объяснить, что он должен остаться в поселении, хотя бы ради того, чтобы позаботиться о Рыжем. Младший сын вождя – Сантьяго – тоже мечтал отправиться на поиски брата, но отец настоятельно запретил ему даже думать об этом. Парень был молод, горяч и безрассуден, как и любой девятнадцатилетний мальчишка. Благородные помыслы здесь были неуместны: отец мог потерять и второго

сына. Сантьяго это понимал и, в отличие от старшего брата, жалел отца и заботился о нем. Ведь скорбь не только по жене, а теперь еще и по пропавшему сыну, разрывала сердце уже немолодого Рауля Маноло день ото дня, не давая возможности затянуться старой ране.

–Ну, ладно! – хитро прищурившись, раздраженно заключил Ганс.

–Звучит как угроза! – усмехнулся Портной.

Развернувшись, Ланге выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью. Ему было досадно, что лучший друг из-за какой-то, как он считал, мелочи, перестал ему доверять. Ганс в силу своего возраста был весьма импульсивен. Вообще в двадцать три года мало кто пытается углубиться в занятия самоанализом. Проще обидеться, вспылить, накричать, хлопнуть дверью, а не понять, что причина ни в ком-то или чём-то, а в тебе самом. Обычно, чтобы успокоиться, он шел к себе в мастерскую, запирался и принимался разбирать механические устройства. Так он справлялся со стрессом. Еще в том мире, где существовали клиники, у него были проблемы с нервной системой. Раньше достаточно было выпить таблетку, чтобы прийти в себя, но теперь найти пилюли было непросто, поэтому он нашел им замену – в ковырянии среди шестеренок и микросхем. Надев свои нелепые круглые очки, он мог часами просиживать за изучением электронных приборов. Но на этот раз он настолько рассердился, что забыл о мастерской, а взял припрятанную под матрасом бутылку водки, которую не переносил на дух, и отправился к Сантьяго. Два товарища по несчастью. Два неисправимых авантюриста, которым выпал шанс отправиться в путешествие, но... они и его упустили.

Ганс знал, где отыскать младшего сына вождя. Тот часто вертелся на баскетбольной площадке. И в то время, пока для Ганса личным психологом выступала мастерская, для Сантьяго им служила площадка. Но на этот раз психологом должно было стать ни что иное, как алкоголь.

–Эй, ты! Бросай уже мяч! Пойдем напьемся! – крикнул Ланге из-за сетчатой ограды площадки, где Сантьяго играл с друзьями в баскетбол. «Я пошел... Мне пора!» – отбросив мяч, ответил он на их возмущенное: «Куда ты?! Мы же только начали!»

Юный испанец лишь махнул рукой, давая понять, что сейчас ему не до них.

Они с Ланге присели на свободную скамейки. Перед их взором во всей красе предстала пылающая в вечернем алом солнечном свете Западная Пальмира. Солнце отражалось от множества белых стен, но уже вовсе не ослепляло.

–Ты же вроде не любитель выпить? – задал вопрос Сантьяго Рауль Видэл, захмелев от одного запаха неохлажденной водки.

–Да повод появился, – намекнул Ганс. – Мы же договаривались, что если я приведу к вам Портного, то отправлюсь в путешествие вместе с ним? – возмутился Ланге.

–Да я и сам думал, что отец доверяет мне настолько, чтобы отпустить со спасателями. Но нет. А ты же знаешь, что я не могу его беспокоить – у него ведь большое сердце. Если бы он отпустил меня, я бы попросил отца убедить Портного, чтобы он взял и тебя. Ну, а так... у меня просто нет власти, и со мной никто не считается.

–Это да. Вот же черт его дери, этого обидчивого Портного с его закаменелыми секретами.

–Зачем ты так говоришь? Он же твой друг!

–Да, друг... но иногда он выводит из себя этой своей загадочностью и скрытностью. Я понимаю, что его история весьма трагична и печальна, но этот чертов астероид Апофис у каждого из нас отобрал близких, и никто этого не скрывает, а, наоборот, люди стараются выговориться, чтоб стало полегче, что ли. И никто их за это никогда не осудит.

–Послушай, нельзя быть таким категоричным, как ты. Насколько я понял, до Виктории у него вообще не было близких людей, а катаклизм отобрал и ее. Это, как минимум, сложно. На его месте мне тоже было бы непросто с этим справиться.

–Я вовсе не отрицаю злой участи, выпавшей на его долю. Просто хочу, чтобы он отвлекся от всего этого. И для этого ему необходима встряска, авантюра. Ты так не считаешь?

Испанец кивнул в ответ:

–За тебя! Ты отличный друг, хоть и немного болтливый.

Ланге легонько стукнул его в плечо, и, поблагодарив, сделал глоток прямо из горла бутылки. Водка следом полилась обратно.

–Ха-ха! – загоготал во весь рот Сантьяго. – Дилетант! Смотри, как надо! – одним глотком он опустошил треть бутылки.

–По ходу, это у вас семейное, – откашлявшись, съязвил Ганс.

–Не бойся, я научу тебя пить, чтобы ты не оконфузился перед Зоей Скаврон! – ехидно улыбнувшись, покосился он на Ланге.

–Э-э-э... постой! А ты откуда о ней знаешь? – удивился тот.

–Чудак! Об этом знают все. Ха!

–Да ну! Так заметно?

–Конечно! Знаешь, как в Пальмире уже поговаривают о парне, который без ума от какой-нибудь девушки – «Втрескался, как тот немец в полячку!» И эта метафора появилась именно благодаря тебе. Ха!

–Ничего себе! А я и не знал, – удивился Ланге. – А как ты думаешь, у меня есть шанс?

Сантьяго ухмыльнулся:

–Конечно! Иначе и быть не может. Вон ты какой обаяшка! – потрепал он его по лохматой кучерявой голове.

–Эх! – размечтался Ганс. – Это все хорошо, но что же нам делать дальше, дружище? Сейчас, через пару недель, Портной с экспедицией отправится на поиски Родриго, а мы останемся гнить здесь. Какое-то бесцельное существование... – он настолько расстроился, что даже немного всплакнул.

–Ну, чего это ты расклеился! Прекрати! Отец не даст нам соскучиться, я тебе обещаю. Не хочу умничать, но мы уж точно сидим здесь не без цели, все мы – жители Западной Пальмиры.

Успокоившись, Ланге протер глаза под очками.

–Действительно, чего это я.

–Это не ты, это все алкоголь. Не переживай, Ганси, – по-товарищески назвал его Сантьяго, – все будет хорошо!

Глава 2

1

Как и планировалось, спустя 48 часов, в ратуше собрались те, на кого пал выбор Портного. Перед тем, как созвать всех на тайное собрание, он проделал тяжелую кропотливую работу. У него были конкретные представления о том, чем будет заниматься тот или иной участник кампании. И лишиться одного звена означало делегировать обязанности и ответственность на других членов экспедиции, что могло привести к перегрузке или провалу. Этого нельзя допустить. Он просто обязан быть убедительным. Перед ним стояли те, кто не должен был опускать руки даже в самой сложной ситуации. Это те люди, которым прежде всего должна быть безразлична судьба участников пропавшей экспедиции – родственники и друзья, умеющие хоть что-то. Портной действительно верил в то, что любовь является самой могущественной движущей силой.

Вождь наклонился к Портному.

–Ты хорошо подумал? У меня есть на примете еще парочка профессионалов, которых при должном подходе можно запросто убедить, – тихонько обратился к нему Рауль Маноло, изучая собравшихся в зале ратуши.

–Других кандидатов я даже не рассматриваю! – заключил Портной, на самом деле не планируя отвечать настолько резко.

–Ясно! Тогда, если ты не против?.. – поинтересовался вождь, решив самостоятельно поведать людям о том, что их ожидает. Он попросил обратить на себя внимание и начал:

–Сеньоры, сеньориты, попрошу минуточку внимания, – обратился к собравшимся Рауль, сосредоточено сложив руки в замок. Когда народ притих, он продолжил. – Скоро наступит ночь. И мир снова погрузится во мрак. Мрак на улице – и тьма в сердцах слабых. Я не буду рассказывать долго о том, что ожидает тех, кто окажется за бортом – за стенами Западной Пальмиры, а сразу перейду к главному. Вы здесь для того, чтобы отправиться в путь вот с этим человеком, – он указал на Портного. – Это не просто прогулка. Ваша цель – найти пропавшую экспедицию, – беспокойство посеялось и зашелестело среди собравшихся в зале. Ведь большинству из них была безразлична судьба Искателей. Они ожидали их скорого возвращения, а мысль об исчезновении сбивала с толку. Никто не был готов к такому развитию событий. – Успокойтесь! – продолжил Рауль. – Я и сам где-то там потерял родного сына. Но еще есть надежда на то, что они живы, но по какой-то причине отстают от графика. И, тем не менее, времени ждать, когда они выйдут на связь, у нас почти нет. Если идти, то только сейчас. И мы пойдем, если кто-то откажется. Эта задача крайне опасна, возможно, даже смертельно... поэтому у вас есть время, чтобы подумать. Но сильно не затягивайте с ответом. Время не на нашей стороне.

Народ зажужжал, словно мухи.

–Вы знаете, где меня искать, – сказал Портной и удалился. Его присутствие в зале больше не требовалось. А еще его обескуражило и буквально взбесило то, что люди, чьи близкие, возможно, сейчас в беде, сомневаются в том, идти ли им на риск ради них или, может, все же не стоит. Если бы он узнал, что есть хотя бы малейший, мизерный шанс спасти Викторину, то, не задумываясь, отправился бы на ее поиски хоть на край света. А здесь он вообще никак не связан ни с одним из участников, и, несмотря на это, согласился пойти. «А эти еще и сомневаются!» – возмущался про себя он.

Портной направился домой, чтобы начать подготовку к походу. Собирая необходимые в пути вещи, он постоянно возвращался к мысли, что сама идея похода абсурдна. Его смущал тот

факт, что на бескрайних землях нового континента, даже на минимальный шаг отступившая в сторону экспедиция Родриго могла оказаться в совершенно непредсказуемых местах.

Сильно утомившись от бесконечного жужжания голосов в собственной голове, в разнотой твердивших «Да» или «Нет», Портной завалился на кушетку и сразу же уснул. И приснился ему странный сон. Это была уже знакомая маленькая комнатка, выделенная ему на втором этаже обветшалого Дворца Мондрагон, того, что находился на западе старого Сьюдада. Комната с уже привычной обстановкой: кушеткой слева от входа, под двустворчатым окном, обитым по периметру войлоком да полиэтиленом; стеллажом, дальше, в ногах, с книгами и портновским инвентарем; рабочим деревянным столом с бронзовой керосиновой лампой, над которыми расположилась откидная форточка, продырявленная в стене у самого потолка еще много веков назад и глядящая на самые припортовые дали, в которые превратились некогда прекрасные луга Андалусии. Форточка находилась прямо напротив двери, по правую руку от которой, в углу, стоял стул для вещей и рукомойник, опирающийся о стену рядом с платяным шкафом. И у Портного было ощущение, что он вовсе не спал, а так, лежал в полудреме и тарасился в отсвечивающую на потолок приоткрытую форточку. Скрипнула дверь, и кто-то настолько пугливый, чтобы показаться, замер на месте, не рискуя войти с первого раза. Портной повернулся на правый бок, но подняться все-таки поленился. Дверь приоткрылась еще сильнее и, наконец, из-за нее показалась милое лицо девушки. Это была Виктория. Портной улыбнулся. Девушка прикрыла за собой дверь, подошла к нему и присела на кровать, рядом, взяв его руку в свою. Виктория что-то сказала, но совершенно беззвучно, воздушно, без голоса. Шевелились лишь ее чувственные пухлые губы, а накрашенные тушью ресницы легонько колосились от сквозняка. Но Портной все понимал. Лениво моргая, он видел, как в невнятной тягучей меланхолии Виктория раз за разом, повторяет ему одно и то же слово: «Идиини! Идиини! Идиини!». «Куда мне идти?» – поинтересовался Портной. «Туда!» – повернув голову в сторону форточки, указала ему направление Виктория. «Но там лишь вода!» – немного даже возмутился Портной, совершенно запутавшийся в веретене сновидений и реальных обстоятельств, отголоски которых слышались скрипучим фоном. «Не только! Нет! Не только!». Снова послышался стук в дверь. Громкий, настойчивый стук. «Открой! Открой сейчас же дверь!» – снова беззвучно, но в мыслях Портного, весьма грозно изрекла Виктория, после чего парень почувствовал, что картина в его глазах мутнеет. «Ни за что!» – ответил он, медленно покачав головой в водянистом, студнеобразном пространстве. «Сейчас же!» – сказала она, после чего Портной больше не смог удерживаться за зеленую нить забав подсознания и окончательно выпал из сна.

«Сейчас же открой дверь!» – прозвучал женский голос, уже совершенно иной, нежели тот, что слышал он в своем сне. «Да чтоб тебя!» – выругался парень. Впервые за долгое время ему приснилась Виктория, и ту, которая не дала ему шанса, хотя бы во сне повидаться с любимой, Портной готов был казнить прямо у порога.

Щелкнул шпингалет, и дверь отворилась. За ней была Зоя Скаврон. И она не дала парню возможности наброситься на себя, а, наоборот, сама сразу же, без прелюдий, перешла в наступление.

–Ты считаешь, что я не справлюсь? – уперев руки в бока, пристально посмотрела она в глаза Портному.

–Еще одна! Стучаться не учили? – поинтересовался он, окинув рыжеволосую полячку ленивым сонным взглядом.

–Не строй из себя дурака! Ты знаешь, о чем я.

Портной просто не подумал о ней, работая над списком тех, кто мог бы составить ему компанию в пути. Он даже не рассматривал ее, как потенциально полезный объект.

–Как ты узнала об экспедиции? – снова начав копаться в вещах, спросил Портной. – Никому верить нельзя, – пробурчал он себе под нос.

Казалось, полячка вот-вот заискрится от негодования и накопившегося электричества. Она подумала, что Портной руководствуется предубеждениями из-за того, что она всего-навсего девушка.

–А ты думал, мне не расскажут?! Тебе не стыдно? Там же мой парень... – напомнила она. – И я люблю его.

Портной нисколько не поверил ее последней фразе. Он прекрасно знал, как звучит она из уст действительно влюбленного человека. А интонация полячки была фальшивой, посчитал он. И вообще он принял ее за очередную авантюристку.

–Вот и молись о том, чтобы мы их спасли. Ты, надеюсь, больше никому об этом не сказала?

–Пока нет, но если ты не возьмешь меня с собой, то...

–Стоп-стоп-стоп! Это шантаж?.. Хорошо, пусть ты любишь своего парня, но какой прок от этого остальным? В дороге мне нужны солдаты, которые смогут держать удар. Извини, но такая хрупкая девушка, как ты, здесь, ну, никаким боком...

–Хрупкая?! Я умею охотиться. И если ты не знал, я – одна из лучших стрелков в Западной Пальмире, если кто-то не в курсе.

–Правда?.. Та-а-ак. Ну, ладно, у нас есть две недели на подготовку, приходи на тренировку и прояви себя достойно, и тогда я, возможно, поразмыслю над твоей кандидатурой.

–Можешь уже добавлять меня в список! – задрала подбородок девушка и, пряча довольную улыбку, ушла, встряхнув своими длинными пышными кудрявыми рыжеватыми волосами.

Она чем-то зацепила Портного. Но он понимал, что такой ярый пыл может и навредить. Главное, чтобы она была сосредоточена на цели и не относилась к походу, как к веселой прогулке по пустоши, благодаря которой можно немного разбавить напиток обыденности свежим сиропом опасной одиссеи. В любом случае, Портной надеялся на то, что она – тот боец, который стоит потраченного на него времени.

2

Бабушка Зои Скаврон была кухаркой. У нее заболело сердце, когда та узнала, что внучка отправляется, как ей казалось, на поиски своей гибели. Бабушка Грася была человеком суеверным, и при каждом удобном случае раскладывала на стол карты и гадала. И реальные угрозы не казались такими опасными, как те же хлопоты ее драгоценной внучки по постоянно выпадающему бубновому валету. «Он должен будет повстречаться внученьке в пути и охранять ее, словно пес, от всяких бед», – думала бабушка. Также часто выпадала долгая тернистая дорожка, но ни разу не выпала болезнь или, хуже того, – смерть. Только это и сдерживало бабулю от бесконечных причитаний. Старикам-то и повода не надо, чтобы расстроиться или распереживаться.

Зоя наклонилась к бабушке и приобняла ее со спины, поцеловав в ушко, когда та в очередной раз разложила масти на столе.

–Ты опять гадаешь, бабуль?

–Гадать-то гадаю, только веры этим картам уже нет. Будто поослепли они к чертовой матери. Только дорогу и видно! – беспокоилась старушка.

–Значит, все будет хорошо! Погуляю немножечко да вернусь домой, – успокаивала ее Зоя.

–Ой, дай Бог, Зочка! Дай Бог! Но знала бы ты, как мне не хочется, чтобы ты вообще отсюда уходила.

–Я ненадолго, обещаю. И тридцати кастрюль журека не успеешь сварить.

– Да не журека уже, не борща на хлебном квасу – ничего уже не хочется готовить! Как представлю, что дитё ушло ночью черти куда! В жар бросает, а руки, так те и вовсе отнимаются, немеют – и все. Ой, Зочка! Не углядела я за тобой. Мать твоя ругала бы меня сильно.

Зое стало жутковато от этих слов.

– Я еще жива, бабушка, перестань меня хоронить, ей Богу! – немного даже возмутилась девушка, недовольно надув губы и скрестив руки на груди.

– Окстись, Зочка! Ты чего такого говоришь! Солнышко, поди за мной, – позвала ее бабуля. – У меня есть кое-что для тебя, – кряхтя, та поднялась со стула и, ковыляя, направилась к шкапулке. Достав оттуда какую-то побрякушку на грязном, затертом золотистом шнурке, она раскрыла ладонь девчонки и вложила ее туда.

– Это ж дедушкин медальон! – держа в руке зеленый медальон из кусочка оникса, удивилась Зоя.

– Возьми его с собой в путь, – зажимая тонкие пальчики внучки, ответила бабушка и сняла такой же, только красного цвета, со своей шеи. Это были две половинки одного камня, но разных цветов. По романтической легенде, которую рассказывала бабушка Грася, этот камень треснул в кармане пиджака деда, когда тот ее повстречал. Они были еще совсем молодыми. Дед ничего тогда не сказал, а просто подошел к своей будущей жене, раскрыл также ладонь и показал молодой – такой же рыжей и красивой, как внучка – Грасе, тот камень, сложив две его половинки. Камень был прекрасен. Молодая Грася не задавалась вопросом, правда ли камень треснул в момент их встречи или нет, но через три месяца они с дедом поженились, а через год на свет появилась мать Зои.

– Что ты делаешь, бабушка? – возмутилась было Зоя.

– Надень мой медальон, а второй спрячь подальше.

– Но зачем мне два?

– Второй для бубнового валета, который тебе повстречается! – будто устав повторять одно и то же, проговорила бабушка.

– Какого еще валета? Даже если и есть валет, то он крестовый или пиковый. И зовут его Родриго.

– Карты говорят не о нем. А они не умеют врать. Деточка, просто возьми медальон с собой и отдай тому, кого выберет сердце.

– Спасибо, бабуль! – Зоя расплакалась, прижавшись к груди старушки.

Вместо того, чтобы выспаться перед первым днем подготовки, Зоя прорыдала все это время под одеялом. Почему-то ей казалось, что она больше не увидит бабушку. Она пыталась выбросить эту мысль из головы, но ничего не выходило. Невидимые силы тянули ее навстречу опасностям, и они были гораздо мощнее тех, что пытались удержать рядом с родным человеком. Она хотела бы отказаться, но не могла. Это было сильнее ее понимания. Судьба сама сделала за нее выбор.

Раньше старики верили в сказания, приметы и Слово, которое есть, и никакая сила не способна изменить предначертанного. Трезвый ум грубыми параллелями пересекался с Божественным началом и истины воспринимались с благодарностью. И нет такой истории, где вера играла бы второстепенную роль.

3

Многие из тех, кого выбрал Портной, отсеялись в первый же день подготовки. Некоторые находились в стадии глубоких сомнений, и лишь небольшая часть твердо решила идти. Группа из двадцати человек, способных сделать сложный выбор. Однако в процессе подготовки еще часть сомневающихся без зазрения совести отсекалась, сильно разбалансировав стратегически важный костяк, на который рассчитывал Портной. Оставалось лишь четырнадцать человек.

Но предводитель Спасателей так и не решился прибегнуть к крайностям. Он так и не взял с собой докучающих Ганса Ланге и Сантьяго Видэл. Эти парни не успокаивались до последнего. А когда Ланге узнал, что Портной включил в список Зою Скаврон, то мир для него вообще окончательно рухнул. И сколько бы раз он слезно ни умолял друга передумать насчет его кандидатуры, все попытки оказались тщетны. Портной мог бы изменить свое решение, но жизнь научила его быть принципиальным. До них еще никто не покидал границ Западной Пальмиры на всю ночь, и рисковать другом он не хотел и не смел. Уж он точно знал цену близким людям. И принципиальность была той хитростью, с помощью которой он, можно сказать, спасал жизнь товарища, не дав ему возможности захлебнуться в авантюре. Он был еще молод – он был ребенком, да еще и влюбленным. Ему не место на корабле среди взрослых, решил Портной. Ганс своими знаниями в механике мог бы выручить экспедицию, но пусть в пути будет чуточку тяжелее, думал парень, однако рисковать жизнью непоседливых ребятишек он не имеет права.

Вся лучшая и более или менее современная техника уже отправились в путь с исчезнувшей экспедицией «Искателей Света Пальмиры». Пришлось колдовать над тем, что имелось. Выбор пал на старый вездеход. В самую первую ночь после полной остановки вращения Земли русская семья, которая утомилась от бесконечных путешествий на этом вездеходе, постучалась в ворота Западной Пальмиры в поисках приюта. Это был старенький, начала второго десятка двухтысячных российский гусеничный бронетранспортер ДТ-30ПМ «Витязь», состоящий из двух звеньев: кузова и прицепа. За время, пока русский «Витязь» оставался стоять без движения, его двигатель покрылся десятисантиметровым слоем пыли, намертво прилипшей к застывшему моторному маслу. Эту кашу механику «посчастливилось» отскребать чуть ли не шпателем перед тем, как заменить загустевшую жидкость на свежую. Ко всеобщему ликованию модель оказалась плавающей, с установленным гребным винтом. Но с ним тоже пришлось повозиться, пока тот не завертелся, как следует. Из оружия подыскали с дюжину охотничьих ружей и пару винтовок с отдельными элементами боеприпасов да простенький провиант. Зато ножей, кинжалов и алкоголя было хоть отбавляй. Изобилие последнего некоторых участников радовало в особенности. Были подозрения, что только ради хорошей выпивки эти люди отправляются в путь. Таким как раз оказался механик. Он, конечно, разбирался в автомобильном железе, но пьяный водитель даже на пустой дороге не внушал особого доверия. Однако другого выбора не было.

Две недели, отведенные на подготовку, подходили к концу. Портной обучал людей технике выживания, Зоя помогла поднатаскать их в оружейном деле, а финский механик, он же музыкант, по имени Микко Анттила разъяснил азы непосредственно своей стези.

Это была такая же экспедиция, как и у «Искателей». Но существенная разница состояла в том, что эти ребята отправлялись в ночь, и для того, чтобы выжить, придется добывать не только горючее для транспорта, но и пищу для пропитания, и огонь для согрева.

Зоя достойно показала себя на подготовительных мероприятиях, она была действительно хорошим стрелком. Благодаря ей команде удастся здорово сэкономить на боеприпасах. С луком, арбалетом и пушкой она обращалась поистине искусно. Во многом увлечение биатлоном в прошлом сделало свое дело.

Перед выходом механику понадобилась помощь еще в одном вопросе, которым он не владел. Ему нужно было снизить потребляемость энергии устройством радиолокации с дополнительного аккумулятора, чтобы пустить больший поток на другие агрегаты.

– Есть тут кто живой? – постучался в приоткрытую дверь Портной, заходя в мастерскую Ганса Ланге.

В гараже, переделанном под мастерскую, горела грязная не очень яркая лампочка, а посреди комнаты стоял накрытый брезентовым полотном легковой автомобиль.

– Да-да! – послышалось из-под автомобиля. – Я здесь! – крикнул Ганс.

– Что ты там делаешь? – заглянув под машину, спросил Портной.

–А-а-а... это ты? Че надо? – дерзко ответил тот, даже не взглянув в сторону обратившегося к нему человека.

–Перестань уже дуться! Нам нужна твоя помощь. У механика возникла одна загвоздка.

–Ты сам его выбрал... не мои проблемы, – явно упрявился Ланге.

–Ну, прекрати! Это действительно важно.

Ганс посмотрел на Портного. Тот не врал.

–Ладно, сейчас гляну, – сжалился он.

Чумазый парень вылез из-под машины, вытер руки замасленной тряпкой и уже собрался идти, но Портной остановил его, придержав за руку.

–У меня еще одна просьба к тебе... на этот раз личная, – сказал тот.

–Чем еще обязан? – нервно поинтересовался Ганс.

–Я хочу тебя попросить присмотреть за Рыжим. Ты знаешь, что я бы никогда не доверил своего пса чужому человеку.

Рыжий оперся бочком о Ганса, будто понимая, о чем говорит хозяин. Здесь уже парень не сдержался и улыбнулся, почесав Рыжего за ухом.

–Хорошо. Еще что-нибудь? – обиженно добавил Ланге, понимая, что теперь у него уж точно нет никаких шансов отправиться с другом на приключения.

–Нет. Для меня это очень важно! И если я вдруг не вернусь, то хотел бы, чтобы именно ты...

–Ну, мы идем? – демонстративно приоткрыв входную дверь, Ганс намеренно не дал тому договорить.

Ланге быстро и четко справился с задачей, которую не мог решить Микко, и молча отправился обратно к себе в мастерскую.

–Можно выдвигаться! – спустя еще несколько часов сборов скомандовал Портной на заключительном собрании в Ратуше.

За эти дни участники экспедиции уже немного привыкли друг к другу, а все контрасты их характеров Портной имел у себя на вооружении. Чтобы хорошо командовать, нужно пользоваться рычагами. "Зажимая до упора один, приспускай другой", – эту формулу он вывел, когда, будучи сиротой, бороздил просторы еще до отвала заселенных городов. И когда он вместе с другими голодными беспризорниками шел на поиски еды (чаще всего воровал), этот принцип помогал добиваться большего результата. Всегда!

Июль 2039-го подходил к концу. Об искателях ничего не было слышно уже почти полгода.

Смеркалось. Улицы Западной Пальмиры опустели. Над городом с еще большим задором засиял яркий синий свет маяка. Заметно похолодало, поэтому народ стал реже выходить из жилищ. На этот раз команду героев должны были провожать единицы, тот ограниченный круг лиц, который был в курсе происходящего. Но вместо десяти человек перед воротами, соединяющими Сьюдад и Меркадильо, снова собрался весь город. Пошел сырой мелкий снег.

–Своих героев город должен знать в лицо! – сказал по этому поводу Рауль Маноло и передал карту с отмеченной толстой штрихпунктирной линией – извилистой дорогой до Каира. В отличие от Родриго, Портной не стал толкать громких речей, а лишь пожелал родной Пальмире пережить ночь без бед.

Люди поочередно подходили к участникам, обнимая их и говоря слова напутствия, словно прощались навсегда. В этом была доля правды: зная, с какими условиями им придется столкнуться, участники экспедиции прощались со своими близкими. Ганс же стоял в стороне, гордость и обида не позволяли ему сделать первый шаг навстречу товарищу. А ведь он его видел, возможно, в последний раз. Не выдержав, Портной сам к нему подошел, ведь ближе этого упрянца у парня здесь никого не было:

–Ну что ж, друг мой, пора прощаться, – с грустью в голосе произнес он.

–Я не собираюсь с тобой прощаться! – фыркнул тот.

Портной ухмыльнулся, представляя, что если бы у него был младший братик, то вел бы он себя именно так.

–Иди сюда, – обняв того, сказал Портной. – Береги себя, Ганс! Будущее в руках таких ребят, как ты, помни это.

Смахнув выступившие слезы, Ланге сказал:

–Возьми вот этот талисман! – он протянул Портному что-то наподобие наручных часов, только раза в четыре больше.

–Это что, часы? – улыбнулся тот.

–А что еще ты ожидал получить от инженера-самоучки? Это мой личный шедевр: «Мона Лиза» от Ганса Ланге, – морозостойкие титановые водонепроницаемые полумеханические часы с глубиномером и возможностью погружения до трехсот метров и совершенно небьющимся стеклом! Побочные приборы расположены на боковой панели устройства. Также там располагается счетчик Гейгера, и, что самое важное, здесь есть своего рода компас.

–Компас? – не поверил своим ушам Портной. Давно он не слышал этого слова, ведь после остановки вращения Земли вокруг своей оси устройство больше не могло выполнять своей самой главной функции – указание сторон света. – Но как?

–Да-да, старый добрый компас! Вот так! Просто! – с гонором ответил Ганс. – Правда, с небольшими доработками. Ты задаешься вопросом, как он работает, когда магнитного поля не существует? И я тебе отвечу: долго размышляя над тем, чем же можно заменить этот уникальный прибор, я пришел к выводу, что если взять астрономический календарь и обозначить созвездие, к которому ты стоишь лицом, затем сопоставить его с датой на календаре и временем, добавив твое более менее точное местонахождение согласно широте и долготе, находясь при этом в неподвижном состоянии, то компас, который я назвал «АСТРОПАС полумеханический АПМ-1.0» выдаст тебе верный результат. Созвездия, дата и географические координаты (градусы и минуты), вернее, тандем этих постоянных, существующих вне положения дел на нашей планете – вот в чем секрет. Благодаря таким постоянным и встроенной в память устройства астрологической карте можно ориентироваться в пространстве, как будто апокалипсиса и не было вовсе! Главное, постараться не двигаться в момент, когда астропас проводит свои вычисления. А лучше всего будет и вовсе положить его на ровную поверхность, сопоставив картинку на проекции астропаса и положением созвездий на небосводе, внося предварительно местоположение согласно долготе и широте. Ведь он делает это относительно стационарного объекта, а не движущегося тела. В этом его принципиальная разница с компасом. И, соответственно, главное неудобство. Все, кроме механических часов, работает на батарее, которую так и не успели представить миру гениальные разработчики фирмы Casio. Тебе достаточно просто находиться в движение некоторое время, чтобы механизм, состоящий из трубки и магнитного шарика, катающегося внутри нее и вырабатывающего тем самым энергию, смог подзарядить аккумулятор. Также я оснастил систему солнечной батареей, которой достаточно тусклого света обычной парафиновой свечи и древней пружинкой – поистине непревзойденной технологией в часовом промысле. Пружинка для того, чтобы часики тикали, не прибегая к помощи аккумулятора. Только не забывай заводить! И еще одно – вождю не говори, я ему еще не сообщил, что у меня получилось собрать Астропас.

–Спасибо тебе, дружище! Теперь я точно не заблужусь! – обрадовался Портной. Но он больше обрадовался тому, что помирился с товарищем, а такой действительно ценный подарок был тому подтверждением.

–Ну, удачи вам в пути. Я буду скучать, – пожимая руку другу, пожелал Ганс Ланге.

Кивнув ему в ответ, Портной вновь обратился к команде: «Пора!», дабы не растягивать момент до бесконечности.

–Постой, сынок! – остановил парня Рауль Маноло. Старик встал перед ним и другими спасателями на колени. Сложив руки, как при чтении молитвы, на груди, он стал благодарить участников экспедиции за их отважное решение, на которое способен далеко не каждый. И обещал, что люди будут слагать легенды о смельчаках, даже если они живыми благополучно вернутся обратно, пусть и с ответом "...не нашли".

Еще никто не называл Портного «сынок». Эти слова тронули его до глубины души. И ему было неудобно, что такой благородный человек стоит перед ним на коленях. Он еле сдержался, чтобы не заплакать. Подняв старика, он махнул рукой, и команда спасателей вышла в открытые ворота, соединяющие Сьюдад и Меркадильо, за которыми их ожидал уже прогретый вездеход.

Глава 3

1

За темнеющий горизонт медленно стекали последние капли вечернего света. Лишь макушки самых высоких гор могли еще насладиться янтарным великолепием теплого заката. А внизу было уже достаточно черно и мрачно, и без дополнительного освещения передвижение по полуразрушенным дорогам не представлялось возможным. Портной ехал рядом с механиком. Они поочередно садились за штурвал, чтобы не тратить время на остановки и отдых. Первые впечатления были не столь шокирующими, как они ожидали. Просто пустынные земли, просто заброшенные города – и ничего из ряда вон выходящего. Просто до жути холодная подступающая ночь. В первом населенном пункте, где совсем недавно проживало несколько семей-отшельников и где спасатели планировали в первый раз выйти на связь с Западной Пальмирой, никого не было, даже заблудших бродяг. Это был небольшой поселок у подножья горы к северо-западу от Ронды под названием Альгодоналес. Благополучно связавшись с домом, они решили поскорее покинуть это место. От брошенных домов сквозило какой-то жутью. И это ощущение необъяснимой внутренней тревоги быть затянутым в абсолютное ничто, порабощенное ничем, заставляло людей двигаться дальше, не мешкая и не вглядываясь в темные подворотни загадочной ночи.

Зоя была не из пугливых, но даже ее смутило это гнетущее чувство безысходности. После первого же поселения она перебралась в кабину, пообещав иногда садиться за руль. Кабина была довольно просторной. Позади водителя даже был лежак, где можно было вздремнуть.

Сменив Микко, Портной сел за руль. А тот, молча, без комментариев пролез на лежак. И чтобы немного развеяться, полячка попыталась завязать беседу с Портным:

–О чем думаешь? – спросила она.

–Да так... ни о чем и обо всем одновременно.

–Расскажи мне. Я умею слушать, клянусь! – уверяла девушка.

–Ты напугана, ведь так? – покосившись на Скаврон, спросил Портной.

–Ну-у-у... да! Как и все!

–Как и все? Ты не права!

–В смысле? Тебе что, не страшно? – не поверила девушка.

–Ты знаешь, все эти покинутые земли... они словно воплощение моего детства... и моей юности, – слотнув слюну, тяжело протянул Портной. – Я, конечно, не бродил по городам-призракам, нет... скорее, я сам был таким призраком, который не может найти покоя. Гораздо страшнее быть одиноким там, где горят тысячи огней, и где они освещают путь для сотен тысяч людей – это худшее из наказаний, которое может пережить человек. Для меня никогда по-настоящему не светил ни один фонарь. Я всегда будто бы жил во тьме! Может, поэтому меня не трогает, не цепляет и не пугает картина этой новой планеты. Мне кажется, я уже все это видел, понимаешь?!.. И ты даже не представляешь, как бы мне хотелось просто напугаться! Но ничего не выходит, ведь оно все мне слишком знакомо. Я десятки раз, еще будучи мальчишкой, ночами находил на улицах избитых до смерти или замерзших людей. Звонил анонимно в полицию, потратив последнюю монету в телефонной будке, мечтая, чтобы у того человека появился хоть малейший шанс на спасение. Приезжали бездушные менты, и, пнув ногой валяющегося в закоулке бедолагу, проверяли, жив он или мертв, а затем по радиации сообщали скорой, чтоб те забирала жмурика. Выглядывая из-за угла, я наблюдал, как по вызову приезжала машина скорой, и такой же бездушный человек в белом халате жал руку менту, просил прикурить сигарету, и вместо того, чтобы убедиться, жив ли на самом деле человек или нет, стоял и курил,

скидывая шутки ради пепел прямо на... – тяжело зажмурив глаза, парень будто снова увидел нечто подобное. – В этом крылось столько жестокости и бесчеловечности! Поэтому, наверное, пустые города меня вовсе не пугают. Для меня они всегда были пусты. А люди, некогда заселявшие их, практически всегда оказывались куда страшнее, поверь! – сказал Портной и замолчал, оглянувшись на Зою. Он почувствовал, что немного перегнул палку с рассказом. Девушка сидела, отвернувшись к окну. В отражении было видно, что на её щеках блестят слезы. Просто она не хотела показывать их.

–Э-э-эй, ты чего! Я вовсе не хотел тебя расстраивать. Извини меня, пожалуйста! Вот же идиот.

–Нет-нет! – вытерев ладошкой лицо и шмыгнув носом, сказала полячка. Дрожащий голос выдал ее окончательно. – Ничего страшного. Это ты прости. Я просто не знала, что у тебя было такое ужасное детство.

–Не жалею меня. Я, кстати, тебе немножко приврал! – улыбнувшись, попытался взбодрить он девчонку. – Один фонарик, не помню точно как, но все же и для меня засиял.

Зоя улыбнулась в ответ.

–Ее звали Викторией, – тяжело выдохнул Портной. – И она была моим светом Пальмиры. Девушка не стала больше задавать вопросов. Девичье сердце и так болезненно восприняло эту историю.

–Что-то я разговорился, – разволновался Портной.

–Ничего-ничего! Мы можем поговорить о чем-то другом, если хочешь, – предложила Скаврон и резко перевела тему. – Ух ты! А что это за штуковина у тебя на руке? Часы такие? Я ничего подобного раньше не видела, – заинтересовалась она громоздким устройством с незамысловатым, на первый взгляд, циферблатом, надетым на правое запястье Портного.

–Ага! Подарок, – с гордостью произнес парень.

–Здорово! А можно посмотреть?

Портной снял устройство с руки и дал ей.

–«Моему брату от Ганса», – прочитала она корявенько выгравированные на обратной стороне слова. – Как это мило! Постой, от Ганса... это тот парень?.. – прищурившись, пыталась она восстановить картину их недолгого общения с Ланге... – Который тогда, на праздновании Нового Утра, – быстро вспыхивали размазанные силуэты в памяти девушки.

–Да-да... тот самый! – успокоил ее Портной. – Ты угадала. Но это не просто часы, а настоящий шедевр инженерии.

–Я вижу! – протянула она.

–Но я даже не сказал, почему! – цинично вставил Портной.

–Ой, прости! Я думала, ты про их внешний вид, – сыграла она наивную дурочку.

Впечатление наивной девчонки она уж точно не вызывала. Портной скромно улыбнулся. Когда парень смеялся, его прямые темные брови всегда так печально опускались у висков и вздергивались вместе с морщинкой над длинным носом, нависающим над тонкими невыразительными губами. Улыбаясь, он сильно походил на грустного клоуна, только не разукрашенного и вовсе не смешного.

–Это не только часы, но и счетчик Гейгера, и компас... ой, прости! Астропас!

–Что? – мило захихикала полячка, сморщив маленький веснушчатый носик.

–Ну да, так он назвал свое изобретение. Оно еще спасет нам жизнь, попомни мои слова!

–Какой умный мальчик! А я и не знала.

Портной был горд за своего друга.

–Держи! – протянула она обратно устройство Портному.

–Не надо, оставь, – отказался он.

–Ты что! Это же подарок, я так не могу! Держи-держи...

–Поверь, Ганс был бы рад, если бы ты носила его изобретение на своей руке.

–Правда? Я ему нравлюсь? – снова включила она дурочку.

–Нравишься?! Ха! Думаю, ответ ты и сама знаешь, – ответил Портной.

Зоя кокетливо улыбнулась.

–И вообще, если так интересно, спроси при случае у него самого!

На горизонте тем временем показалась огромная глубокая яма, дальнего края которой в темноте видно не было. Яма казалась бездонной пропастью где-то на краю света. Но это был всего лишь вид, с некогда берегов, на пересохший бассейн Гибралтара. Они только приближались к городу на самом юге Испании под названием Тарифа, но бездонная пропасть, в которую превратился пролив, уже успела повергнуть отряд в неистовый ужас. И, несмотря на сомнения и страх, каждый из них понимал, что так или иначе, а спуститься вниз все-таки придется. На вездеходе перебраться с поверхности на дно пролива по обваленным скалистыми берегам не составило особого труда. Но, проехав пару сотен метров, они заметили, что одна из фар, освещающих дорогу спасателей в сумерках, неожиданно замигала и почти сразу погасла. Света оставшейся лампочки было недостаточно. Слишком непредсказуемым могло оказаться неизученное дно Гибралтара. Да и, скатываясь все ниже по крутой впадине иссушенного пролива, тьма становилась все гуще и опаснее. Проблему нужно было решать на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.